

Суворов

Автор:

Олег Михайлов

Суворов

Олег Николаевич Михайлов

«Ваша кисть изобразит черты лица моего – они видны; но внутреннее человечество моё сокрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик; при приливе и отливе счастья уповал на бога и был непоколебим», – имя великого полководца Александра Васильевича Суворова (1730–1800) в истории России накрепко связано с книгой «Наука побеждать», стойкостью, мужеством и великим подвигом русских солдат в Альпийских походах, под Рымником и Измаилом. Историко-биографический роман прозаика и литературоведа Олега Михайлова (1932–2013) «Суворов» рассказывает о жизни и судьбе великого русского полководца. Книга входит в золотую серию «Жизнь замечательных людей», основанную М. Горьким.

Олег Михайлов

Суворов

Моим однокашникам и офицерам-воспитанникам Курского суворовского военного училища

Глава первая

В лето одна тысяча семьсот сорок второе, числа двадцать девятого месяца апреля, на пятый день празднования своей коронации в Москве, дочь Петра Первого Елизавета готовилась торжественно отправиться из Кремля в зимний Аннингоф на Яузе. С семи пополудни знатные особы, определенные к церемонии, уже собрались на Ивановской площади в каретах цугом. Прочие персоны загодя отправились в зимний ее величества дом и ожидали процессию там. В числе их был и Василий Иванович Суворов, находившийся при штатских делах в Берг-коллегии в чине полковника. Пользуясь тем, что строгий прокурор все эти дни был занят в бесчисленных церемониях, его двенадцатилетний сын Александр с самого утра убежал из дому, не слушая наставлений мамыши Евдокии Федосеевны.

Чуть свет забежал он в людскую, где под тулупом сладко спал его сверстник Ефимка, сын истопника Ивана.

– Ефим, слышь, Ефим, – нетерпеливо тряс его Александр, – ты что, уговор забыл – царицу идти глядеть?..

Со сна Ефимка вскочил, бессмысленно тараща глаза под рыжими ресницами, стирая с конопатого лица невидимую паутину. Похлебали вчерашнюю крошку из одной деревянной миски – и айда!

Они уже побывали на колокольне церкви Николая Чудотворца, что в Покровском, и пособили знакомому звонарю, когда в восемь утра по сигналу Ивана Великого вся Москва отозвалась благовестом своих сорока сороков; оглядели четверо триумфальных ворот, специально воздвигнутых к коронации, – на Тверской у Земляного вала, в Китай-городе подле церкви Казанской Богоматери, на Мясницкой и, конечно, ближние к их дому, на Яузе.

По тракту от Кремля до Яузского дворца, чернея треуголками, стояли в параде лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский, Конный, а также армейские полки со своими музыкантами. Места для смотрения и окна домов

были украшены повсюду сукнами, коврами, шелковыми и шерстяными материями. За зелеными и синими мундирами солдат пестрели по-весеннему разряженные толпы москвичей, ожидавших царский поезд.

Резвый и юркий Александр тянул за собой и увальня Ефимку. В невообразимой толчее они пробились к самой дворцовой решетке Лефортова. Отсюда, с берега Яузы, была хорошо видна вся пышная громада Москвы, с бесчисленными золотыми куполами, увенчанными крестами, с ее дворцами и усадьбами, утопающими в розовом и белом цветении вишен и яблонь.

В одиннадцать часов звон колоколов и пальба на бастионах из ста одной пушки возвестили о выступлении процессии. Путь ее лежал через Маросейку, Покровку и Немецкую улицу. По мере приближения царского поезда, все явственнее становились приветственные клики, беглый огонь в полках из мелкого ружья, звуки труб и литавр с барабанным боем.

Нетерпение все напиравшей и напиравшей толпы у Яузского дворца было так велико, что она прорвала заслоны, и дюжие гренадеры в украшенных плюмажами шапках с трудом оттеснили ее на отведенные для смотрения места. Потерявший Ефимку, щупленький Александр оказался зажатым меж здоровенных спин и плечей.

– Лезь под мышку, сыне, – пропуская его вперед, добродушно прогудел чернобородый дьяк с чернильницей у пояса.

Высунувшись, Александр увидел в конце дороги, идущей от нового моста через Яузу и уставленной пьедесталами с урнами и статуями, конных лейб-гвардии рейтар под их штандартом. За ними верхами ехали два полковника.

– Сие церемониймейстеры – Бейер и, толстый, что к нам ближе, князь Прозоровский, – объяснил бойкий дьяк.

Будущий тесть Суворова Иван Прозоровский важно сидел на богато убранной лошади, держа золоченый жезл в двуглавым орлом.

За церемониймейстерами медленно потянулись вереницы карет знатных особ: мельканье золоченых спиц в огромных колесах, арапы, карлы, пажи на запятках, перед экипажами лакеи и скороходы в островерхих шапках и пышных ливреях,

по бокам гайдуки.

– Обер-ягермейстер, действительный камергер, обоих российских орденов кавалер и лейб-кампании поручик Разумовский... Генерал-аншеф Ушаков... Генерал-аншеф Салтыков... – бормотал, с наслаждением выговаривая чины и имена, дьяк. – Канцлер князь Черкасский... Генерал-фельдмаршал Трубецкой... Президент Военной коллегии князь Долгоруков...

За каретами ведены были служителями двадцать четыре лошади в богатых пополах из конюшни императрицы. Далее, за новыми церемониймейстерами, – трубачи, герольды и князь Сергей Голицын в окружении майоров и сержантов с кожаными мешками, метавший в толпу золотые и серебряные жетоны.

– Лови, дяденька! – крикнул Александр дьяку, но, изловчившись, схватил сам желтый блестящий кружочек. На одной стороне изображение короны, светящей из облака, на другой надпись: «Елисавет Императрица и Самодержица Всероссийская коронована в Москве 1742 года».

Мимо уже шли по двое шестьдесят лакеев двора, проезжали верхами камер-юнкеры и камергеры, шталмейстер и за ним – сверкающая золотом, под огромною короною карета, заложённая осмью белыми лошадьми...

– Царица! Матушка наша Елисавет! Петрова дочь! – раздалось вокруг.

Александр поднялся на цыпочки и увидел в огромном окне, проплывавшем совсем рядом, среди пунцового бархата, тканного золотыми цветами, крупную фигуру императрицы, одетой в епанчу или легкую мантию, и под блистающей бриллиантами короною – круглое большеглазое лицо. Он уже знал за собой эту способность мгновенно схватить и запомнить – содержание ли книжной страницы, встреченного ли человека, в его памяти сразу же запечатлелась эта русская красавица, которую только портил слегка приплюснутый толстый нос. Елизавета поэтому не позволяла писать себя в профиль. Вообще же живописцам указывалось «делать нос государыни подлиннее...». Процессию замыкали кареты статс-дам, жен вельмож, камер- и гофfreyлин.

У въезда во дворец, перед триумфальными воротами, Елизавету встретили ожидавшие ее знатные персоны, генералитет и шляхетство. Царица удалилась с гостями в зимний дворец, выкрашенный желтой охрой, с белеными наличниками

и фронтоном. Когда она села за стол, на площади перед дворцом взметнулись вверх фонтаны белого и красного вина, сняты были с рундуков покрышки, под которыми лежали жареные быки, поросята, окорока, куры и утки.

Александр, нашедший наконец в толчее своего Ефимку, бросился было к угощению, но в дворцовых воротах им преградил путь гренадер.

– Пусти, солдат! – гневно крикнул маленький Александр. – Я сын прокурора Суворова, а это мой дворовый.

– Ишь ты, барчонок востроносый, – удивился гренадер, давая дорогу подростку, – тебя-то я пущу, а вот в подлом платье входить сюда не велено. – И он пихнул Ефимку назад в толпу.

...Когда стало смеркаться, небо над дворцом озарилось шутихами, ракетами, огненными снопами, загорелось вензловое имя ЕЛИСАВЕТ между двумя орлами под короною.

Ликовала Россия, которой правление Анны Иоанновны виделось дурным сном. Покойная императрица окружила себя немецкими дворянами из Курляндии, а ее фаворит, митавский конюх, грубый и тупой герцог Бирон, прямо преследовал все русское. С 1730 года начались аресты, пытки, казни русских дворян по подозрению в заговоре против антинационального правительства. Особое недоверие у Бирона и близких к трону иностранцев вызывали созданные Петром I Преображенский и Семеновский гвардейские полки. Желая ослабить их роль, Бирон и честолюбивый датчанин на русской службе Миних сформировали в 1730 году новый, лейб-гвардии Измайловский полк, почти все офицеры которого состояли из остзейских немцев.

Восшествие на престол Елизаветы Петровны означало конец немецкому засилью – поэтому так радовались, приветствуя царицу, дворяне, купцы, чиновники, лица духовного сана. Впрочем, многомиллионному крепостному крестьянству, «подлому люду», переворот 25 ноября 1741 года не сулил ровно никаких перемен к лучшему...

Через неделю в доме Суворовых, что в Покровском, с утра царило необычное оживление. В трапезную носились меды и пива, соленья, варенья, жаренья. Скуповатый хозяин на сей раз не жалел ничего. Евдокия Федосеевна в широком

сарафане, скрывавшем ее тяжелый живот, самолично спускалась в погреба и подклети, давая указания дворне. Разбитной, нагловатый малый, подававший к столу квас, на вопрос старухи няньки коротко ответил:

- И, баушка, черен чисто галка! Старуха пожевала сухими губами.

- Так это, Сидор, ён...

- Кто? - притворно удивился Сидор.

- Ну да ён!

- Какой такой ён?

- Будто не знаашь... - Она мелко закрестилась и неохотно пояснила: - Да черт!

Знаменитый царский арап Абрам Петров Ганнибал был давним, с детских лет, знакомцем Василия Ивановича. Крестник Петра Великого, он в страшную пору бироновщины отсиживался на лифляндской мызе своей жены Христины-Регины и лишь после падения любимца Анны Иоанновны был принят на службу в Ревельский гарнизон подполковником. Елизавета не позабыла «птенца гнезда Петрова» и 12 января 1742 года пожаловала Абрама Ганнибала прямо в генерал-майоры.

Во время обеда гость рассказывал о праздничных днях в Ревеле, где уже он был обер-комендантом:

- В высокий день коронавания ее императорского величества собрал я ополудни господ из генералитета и от флота, равным же образом штаб и обер-офицеров от артиллерии, инженерного корпуса и городского гарнизона, также ландратов герцогства Эстляндского и прочих разных персон. По окончании стола начался бал, который продолжался до полуночи... Перед моею же квартирую представлена была следующая иллюминация: ее императорское величество, на коленях молящаяся, а сверх ее с небес сияние с надписью: «Жив Бог, и жива душа моя». Пред Елисаветою на троне императорская корона и скипетр с надписью: «Богом и родом Петра Великого избрана, свыше Елисавет России данна». А ты, любезный камерад, к каковым ныне делам приставлен?

Рядом с крупным темнокожим генералом без парика и с курчавыми волосами голубоглазый Суворов, маленький и неказистый, выглядел еще плоше.

- Государыня соизволила назначить меня прокурором в Генерал-Берг-Директориум.

- Постой, а где же твой первенец? Суворов махнул рукою:

- Он у меня суший чудак - гостей дичится и чтением до излишества занят.

- Сие похвально. А к чему склонность имеет?

- Всего более к гиштории и военной науке. Представь, вижу у него «Записки принца Евгения» о нынешних войнах и осадах крепостей. Спрашиваю его: «Что делаешь?» - «Читаю, батюшка». - «О мой друг, книгу ту читать тебе еще рано». - «Но почему же? - говорит он. - Я ее довольно понимаю и разумею, и она мне очень понравилась». - «Ну хорошо, мой друг, - отвечаю я, - ежели так, то, пожалуй себе, читай». Он же мне: «Я ее уже вдругорядь читаю».

- Вот как? Любопытно.

- Все просит, чтобы записал его в гвардию. А я боюсь - здоровьем он слаб. Пригоден ли к военной службе?

- Дозволь же мне на него взглянуть...

Двенадцатилетний Александр по обычаям того времени поцеловал черную руку генерала. Убранство светелки было бедным: в углу деревянная кровать с жестким тюфяком и кожаной подушкой, над кроватью образ с засохшею вербой и фарфоровым яичком, у окна стол, несколько книг в свиной коже, ландкарты и планы битв.

На вопросы мальчик отвечал смело, толково, не смущаясь необычного гостя - чернолицего, с большими красными губами и резко блестящими белками глаз и зубами. Бегло проэкзаменовав Александра по разным наукам, особливо инженерному делу (которое он знал в совершенстве, так как учился в специальной школе в Меце), Ганнибал пришел в восторг. Разговор завершился

любимой для Абрама Петрова темой – воспоминаниями о покойном императоре, полководце и преобразователе армии российской.

Блаженной памяти Петр Алексеевич самолично написал в дополнениях к уставу, чтобы офицеры солдат отечески содержали, понеже ни единый народ в свете так не послушлив, яко российский... Вернувшись к отцу, Ганнибал на его немой вопрос ответил:

– Петр Великий непременно, поцеловал бы мальчика в лоб за настойчивые его труды и определил бы обучаться военному делу...

– Я уже и сам к тому склоняюсь, – вздохнул отец. – Может, позвать его сюда?

– Нет, камерад, – остановил его Ганнибал, – не зови: его беседа лучше нашей. С такими гостями, как у него, он уйдет, и, поверь, далеко...

2

На берегу Яузы, против потешной крепости Прессбург, заложил Петр Преображенскую и Семеновскую слободы для первых гвардейских полков. В 1689 году в Преображенской слободе был срублен Съезжий двор (впоследствии названный Генеральным), место управления регулярной русской армией. Указ Петра от 8 ноября 1699 года предлагал тем, «кто хочет поступить на службу, явиться в Преображенское в солдатскую избу...». Указ был подписан генеральным писарем Преображенского полка Иваном Суворовым.

Молодой царь не раз запросто бывал в его доме, что в Преображенском, и самолично крестил его сына Василия. В 1722 году, через семь лет после смерти отца, четырнадцатилетний Василий Иванов Суворов был определен в денщики к Петру I. «При сем государе, – сообщает А. В. Суворов, – он начал службу в должности денщика и переводчика и, по кончине его, императрицею Екатериною Первою выпущен был лейб-гвардии от бомбардир-сержантом и вскоре пожалован прапорщиком в Преображенский полк, где он службу продолжал до капитана...»

О нем писали вскользь и словно нехотя. Большинство биографов Александра Васильевича Суворова подчеркивало в его отце незначительность личности и

заурядность судьбы. Такой человек, по их мнению, не мог оказать сколько-нибудь заметного влияния на знаменитого сына. И выходило, что генералиссимус Российских войск был обязан ему разве что некоторыми частными особенностями характера – расчетливостью и бережливостью, переходящими у В. И. Суворова в скупость. Огромная тень, которую отбрасывала фигура сына, заслонила и поглотила отца.

Между тем Василий Иванович Суворов был личностью незаурядной, сыгравшей заметную роль в нескольких важных для России исторических эпизодах. Один из младших «птенцов гнезда Петрова», он под конец жизни достиг высокого положения – был генерал-аншефом, членом Военной коллегии, кавалером Андреевского ордена, орденов Святой Анны и Александра Невского, сенатором.

Это был дворянин не очень знатного рода. По существовавшей моде выводить свой род непременно от иностранцев Суворовы называли своим предком покинувшего в 1622 году Швецию Сувору, но исторические данные никак не вяжутся с этой легендой. Предки Суворовых упоминаются уже в царствование Ивана Грозного, когда Михаил Иванович Суворов служил четвертым воеводой правой руки войск в Казанском походе 1544 года и третьим воеводой большого полка в шведском походе 1549 года.

Место царева денщика не было при Петре ни «подлым», ни тем более лакейским и предполагало обязанности скорее адъютантские. Можно даже сказать, что служба эта была школой, через которую прошли многие известные лица. В сем звании начинал «полудержавный властелин» Меншиков, а также Потемкин и Румянцев – родоначальники исторических фамилий.

В конце 20-х годов ставший уже прапорщиком Суворов женился на девице Евдокии Мануковой. Оба гвардейских полка – Преображенский и Семеновский – в 1728–1730 годах безотлучно стояли в Москве, в своих слободах на Яузе. Евдокия получила в приданое от отца, вице-президента Вотчинной коллегии, каменный дом, расположенный в начале Арбата, неподалеку от церкви Николая Явленного.

Здесь 13 ноября 1729 года, через четыре года после кончины Петра Великого, родился Александр Васильевич Суворов.

Карьера его отца резко затормозилась после воцарения в 1730 году Анны Иоанновны. Натура глубоко национальная, В. И. Суворов в пору бироновщины,

очевидно, старался уделять как можно меньше внимания службе, хотя и не скрылся в деревню, как это сделали многие другие. 16 февраля 1730 года он был пожалован в подпоручики Преображенского полка и только 27 апреля 1737 года – в поручики. В 1738 году, состоя в полевых войсках прокурором, Василий Иванович был командирован вместе с гвардии поручиком Федором Ушаковым в Тобольск для производства следствия над опальным князем И. А. Долгоруковым, которое по тогдашнему обычаю производилось с «пристрастием», то есть с помощью пытки. В Сибири Суворов пробыл с лишком год.

Вообще же, в недоброе для России царствование Анны Иоанновны, В. И. Суворов больше занимался хозяйством, приумножая все последующие годы свое недвижимое и оставив сыну уже крупное состояние. Помещик по тем временам небогатый, но состоятельный, он владел имениями с тремястами крепостных «мужска полу» в Пензенском, Переяславль-Залесском и Суздальском уездах.

Суворов-юноша за чтением книги.

Детство Александра Васильевича Суворова проходило в деревне, а затем в московском доме, что в Покровской слободе (дом на Арбате был продан в 1740 году). Ребенок был ростом мал, хил, тощ, дурно сложен и некрасив, зато резв, подвижен, сметлив. Он рос одиноко, так как других детей у Суворовых в ту пору не было. Мальчик присутствовал при беседах отца с друзьями и знакомыми, и сам Василий Иванович занимал сына рассказами о недавнем прошлом, о времени Петра I и проведенных им войнах.

Когда маленький Саша научился читать, то нашел в библиотеке отца книги военного и исторического содержания, возбуждавшие его особый интерес. Конечно, хорошей библиотеки у скуповатого В. И. Суворова быть не могло, книги попадались случайные, к тому же по изложению трудные для детского восприятия. Маленького книгочея все это нисколько не смущало.

Как мы помним, в юности своей Василий Иванович Суворов находился при особе Петра не только в качестве денщика, но и переводчика. Незаурядные способности Суворова-старшего к языкам были отмечены много позднее Екатериной II, отозвавшейся о нем как о человеке «весьма образованном», который «говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых или

живых языках». Блестящие лингвистические способности А. В. Суворова, надо полагать, были унаследованы от отца. Мальчик скоро начал бегло читать по-французски.

Среди его детских героев был Карл XII, король-юноша, неустрашимо пускавшийся в самые рискованные военные авантюры. Безрассудства его стали ясны подростку позднее, когда под влиянием отца он обратился к исполинской фигуре Петра. Всю жизнь Суворов ощущал себя исполнителем его дела, видел в нем тип национального вождя, в лихолетье Павловых гонений на все русское утверждал, что «кокард» Петра Великого «я носил и не оставлю до кончины моей».

Уже в отроческие годы Суворов поставил себе примером «героя древних времен». Александр Македонский, Юлий Цезарь, Ганнибал, Конде, Тюренн, принц Евгений Савойский, маршал де Сакс – полководцы, превращавшие войну в искусство, поочередно сменяли друг друга, разгорячая воображение мальчика. Иногда, отложив книгу, он садился на резвого коня и мчался невзирая на непогоду, дождь и ветер. Он любил купаться, играть в бабки и лапту, лазить по деревьям. От природы болезненный, подросток принялся закалять свое здоровье, изнуряя себя физическими упражнениями; даже в холод носил легкую одежду, отчего часто простужался и хворал. Отец не на шутку тревожился, усматривая в поступках сына одни странности. Уже тогда стали называть его чудаком. Василию Ивановичу надо было, однако, думать о будущем сына.

Известно, что Петр I обязал служить всех дворян, причем запретил производить в офицеры тех, «которые с фундаменту солдатского дела не знают». Нашли средство обходить дух закона, сохраняя его букву. Знатные дворяне записывали детей в гвардию при рождении или в годах младенческих капралами и сержантами (в 70-х годах, например, в одном Преображенском полку числилось до тысячи таких сержантов). Чины «на вырост» шли и в армии.

Суворов-старший был слишком практичен, чтобы не воспользоваться таковой привилегией. Офицер Преображенского полка, он к тому же имел знакомства и связи в гвардии и все-таки не сделал того, что почиталось в ту пору за норму. Причина заключалась не в одной телесной слабости маленького Суворова. Очевидно, в пору бироновщины, когда свирепствовала страшная Тайная канцелярия, отец вообще стремился держаться в тени, на службу не напрашиваться (но и от службы не отказываться) и просьбами никого не беспокоить.

Все переменялось для Суворова-старшего лишь после вступления на трон Елизаветы Петровны.

3

23 октября 1742 года «недоросль Александр Васильев сын Суворов» был зачислен в Семеновский полк солдатом. Сам полк этот Василий Иванович избрал скорее всего потому, что место его расположения – Семеновская слобода – находилось на берегу Яузы, как раз напротив дома Суворовых.

Отрочество Александра протекало в обстановке умеренного достатка, учебы, чтения, энергичной самостоятельной работы – отцу, занятому службой, было недосуг уделять мальчику много внимания: мать умерла вскоре после рождения в 1744 году младшей дочери Анны. Когда Суворову исполнилось пятнадцать лет, отец предпочел оставить его дома и 11 декабря 1744 года представил оставшейся в Москве канцелярии Семеновского полка обязательство в том, «что находящийся в оном полку 8 роты солдат Александр Суворов имеет обучиться во время его от полку отлучения, то есть генваря по первое число тысяча семь сот сорок шестого году, на своем коште указным наукам, а именно: арифметики, геометрии, тригонометрии, артиллерии и часть инженерии и фортификации, тако ж из иностранных языков да и военной экзерциции совершенно, и о том должен я, сколько от каких наук обучится, через каждые полгода в полковую канцелярию для ведома рапортовать». Документ этот еще раз подтверждает если не обширное, то, по крайней мере, систематическое образование, полученное Суворовым в домашних условиях.

Он познакомился с трудами греческого историка Плутарха и записками римского полководца Цезаря, обратился к серьезной военной литературе – прочитал «Трактат о военном искусстве» австрийского военачальника Раймунда Монтекукули, изучал историю и географию по Гюбнеру и Ролленю, а начала философии по Вольфу и Лейбницу. Артиллерию и фортификацию Суворов проходил под руководством отца, возможно переведшего по указанию Петра «Главные основы фортификации» Вобана. Тогда же помимо французского языка он освоил и немецкий, хотя и допускал в них неправильности. «Впрочем, – справедливо говорит биограф Суворова А. Петрушевский, – неправильность эта заключается и в его русском языке». По мысли Петрушевского, она выявляет живой темперамент, нетерпеливость и энергию Суворова, не любившего останавливаться на мелочах и обладавшего, по собственному выражению,

«быстронравием». Это «быстронравие» еще в юношеские годы соединялось у Суворова с набожностью, строгим соблюдением православных обрядов, доскональным знанием Библии и всего «церковного круга».

Несомненно, что молодой Суворов самым серьезным образом изучил все, что требовалось для офицера, еще до фактического поступления в полк. Он не мог пройти мимо уставов Петра I, обобщивших преобразования и огромный военный опыт русской армии начала XVIII века. Убежденный патриот и воспитанник Петра, Суворов-старший, безусловно, сделал все от него зависящее, чтобы привить сыну любовь к своему отечеству и преклонение перед великим преобразователем России.

Получив в наследство от предыдущего столетия две сложнейшие проблемы – турецкую и шведскую, Петр решил только одну из них, утвердившись на Балтийском побережье. В победах над шведами выковалась регулярная русская армия, ставшая одной из сильнейших в Европе. Из первых опытов на Яузе и Плещеевом озере со сказочной быстротой вырос могучий военный и торговый флот. Россия вошла в Европу, по словам Пушкина, «как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек».

Созданная Петром регулярная армия прежде всего была национальной, пополнявшейся в основном рекрутскими наборами из крестьян и опиравшейся на однородный тыл, в то время как на Западе вплоть до конца XVIII века солдаты набирались из наемников, преимущественно из чужестранцев. В петровском «Кратком обыкновенном учении» 1700 года и особенно в знаменитом «Уставе» 1716 года молодой Суворов нашел начатки, определившие все дальнейшее развитие военного искусства XVIII века. Характерно, что уже в «Кратком обыкновенном учении», являвшемся строевым уставом пехоты, совершенно отсутствуют правила показного «штукмейстерства», усиленно применявшиеся в западных армиях. Описанные в нем приемы призваны выработать у каждого солдата четкость и быстроту перестроения для ведения огня, сноровку при стрельбе, наконец, ловкость и твердость в рукопашном бою, почти не применявшемся в тактике зарубежных армий.

Разбирая ход Северной войны со шведами, молодой Суворов мог проследить, какие блестящие результаты принесло обучение петровской пехоты рукопашному бою. Так, 28 сентября 1708 года при деревне Лесной Петр разгромил генерала Левенгаупта. После нескольких залпов артиллерии русская пехота бросилась в штыки сперва на левое крыло шведов, а затем и по всему

фронту. Когда противник, не выдержав штыкового удара, стал отходить, Преображенский полк прорвался в тыл и занял полевое укрепление – Вагенбург, отрезав шведам путь к отступлению. 27 июня 1709 года под Полтавой штыковой бой разгорелся во второй половине сражения, когда обе армии, развернутые одна против другой, на равнине, почти одновременно пошли в атаку. Шведская пехота, почитавшаяся лучшей в Европе, была опрокинута и обращена в бегство.

Новым для своего времени было и высказанное в «Учении» требование «каждому солдату стрелять особливо». Если в западных армиях настойчиво добивались скорострельности, то Петр обращал внимание, прежде всего, на прицельную стрельбу из тогдашних гладкоствольных, с кремневым замком фузей, что резко повышало эффективность огня.

Создав регулярную кавалерию взамен небоеспособного дворянского ополчения, Петр утвердил в 1702 году «Краткое положение при учении драгунскому строю». Как и в пехотном уставе, главное значение отводилось и тут владению холодным оружием. В 1706–1707 годах конница получила вместо шпаг палаши. Драгун обучили рубить, а не колоть, как это делали шведы. В Полтавском сражении одновременно с рукопашным боем пехоты драгуны на флангах стремительно атаковали противника на полном аллюре, немало способствуя победе. На вооружение драгунского полка Петр ввел и артиллерию, опередив в этом Европу на пятьдесят лет.

Весь уже проверенный боевой опыт Петр I свел в «Уставе воинском» 1716 года, по которому учился молодой Суворов и который оставался официально действующим законом до издания в 1812 году «Учреждения для управления большой действующей армии». В основу своей тактики Петр, как известно, положил линейную, принятую на протяжении XVIII века всеми европейскими армиями. На поле боя войско вытягивалось в длинные линии, лишавшие его маневренности, но позволявшие зато использовать наибольшее количество ружей. В линейную тактику Петр, однако, внес так много нового и значительного, что уже при нем русская регулярная армия оказалась впереди наиболее организованных европейских армий.

Правда, новаторские идеи Петра были забыты при Анне Иоанновне. В эти годы его строевые уставы были постепенно вытеснены «Экзерцицией пешей», или прусской, и «Экзерцицией конной» Миниха, узаконившими, плац-парадный характер обучения войск, внедрение палочной дисциплины и усиление жестоких телесных наказаний. Даже после восшествия на престол Елизаветы, когда

велено было «экзерциции чинить во всем по прежним указаниям, как было при жизни государя императора Петра Великого, а не по прусской», восстановление прогрессивных традиций в армии шло черепашьям шагом. В полной мере это удалось сделать много позже, усилиями П. А. Румянцева и А. В. Суворова.

Продолжая свое обучение «на домашнем коште», юный Суворов получил 25 апреля 1747 года первое повышение – был произведен в капралы. В декабре того же года он покинул Москву и отправился в Петербург. С ним ехали двое крепостных – Ефим Иванов и Сидор Яковлев.

Так открылась первая страница более чем полувековой военной службы Суворова.

Глава вторая

Суворов солдат

Имя солдата просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышнего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешаго.

«Устав воинский Петра I».

1

Восемнадцатилетний капрал остановился у своего дяди – поручика лейб-гвардии Преображенского полка Александра Ивановича Суворова, в его офицерском доме, в расположении 10-й роты Преображенского полка. Здесь и прожил Александр в продолжение всей своей солдатской службы.

До явки в полк оставалось несколько дней, и Александр отправился поглядеть город, который дядя вызвался ему показать. В молодой столице все напоминало о Петре, все было обязано своим рождением кипучей деятельности преобразователя России. Суворов привык к Москве, к ее разнообразию и неправильностям, бесчисленным золотым куполам, вольготно раскинувшимся

дворцам вперемежку с деревенскими постройками, к ее улицам, выложенным бревнами или досками, ее громадности и азиатской пестроте. Петербург не мог не поразить его обилием камня, разбегом архитектурных линий, открытыми площадями и речными просторами.

С набережной в дымке хмурого декабрьского дня открылся дивный вид на остуженную Неву и Петропавловскую крепость с гигантским золоченым шпилем-иглой, на торжественный строй зданий Васильевского острова.

– Там дворец Меншикова, – махнул черной форменной треуголкой Александр Иванович. – Учрежден в нем Минихом шляхетский корпус наподобие того, какой имеется в Берлине. Ныне именуется Сухопутный. Теперь смотри – множество одинаких домов, как бы под одною зубчатою кровлей. Сие Двенадцать коллегий. Когда достроят последнюю, занимать будет фронтом без малого версту...

– А это, дядюшка? – юноша указал на растянутое вширь трехэтажное здание с многоярусной башней, увенчанной золотым глобусом. – Неужто Куншткамера?

– Она. Выставлены тут заспиртованные уроды-младенцы, диковинные звери, человеческие кости, редкостных пород камни, необыкновенные ружья, посуда, медали. А также тело удивительного великана, здесь же до кончины своей проживавшего, по имени Буржуа...

– Нельзя ли нам внутрь зайти?

– Куншткамера сейчас закрыта. Здание сие совсем недавно, пятого декабря, горело, причем многие знатные вещи погибли...

Перейдя деревянным Зеленым мостом реку Мью, Суворов-младший увидел императорский дворец, охраняемый гвардейцами, – место пребывания Елизаветы. Дворец был из камня и дерева, невысокий, но обширный, с пристройками и флигелями. Солдаты-преображенцы четко отдали комплимент – приветствие своему поручику.

– До семьсот двадцать восьмого года дом сей принадлежал богачу и генерал-адмиралу Апраксину, – пояснил дядя Александру, – и был заново отстроен и расширен по указанию покойной государыни Анны Иоанновны...

От нового каменного здания Адмиралтейства с семидесятиметровым вызолоченным шпилем тремя лучами расходились Невская, Вознесенская перспективы и Гороховая улица. На Невском меж двухэтажных голландской архитектуры дворцов строились новые, во французском стиле, иные в три этажа, с небольшим окном полуциркульной дугой сверх потолка во фронтоне.

Семеновские казармы находились на окраине Петербурга, «позади Фонтанки, за обывательскими дворами», как значилось в указе императрицы Анны Иоанновны от 13 декабря 1739 года. За прошедшие годы Семеновская слобода уже почти отстроилась, имея в центре деревянную церковь Богородицы, вблизи нее – полковой двор и учебный плац. Слобода была разбита на перспективы и правильные улицы; каждой роте отвели свой участок, на котором ставились достаточно просторные дома или связи. Многие из солдат-гвардейцев жили семьями, завели собственные дома и огороды. В казенных же связях помещалось по четыре человека на светлицу.

Облачившись в зеленый солдатский мундир с одной капральской нашивкой, Суворов начал свою каждодневную действительную службу в 3-й роте семеновцев. Больше всего хлопот доставляла ему коса. Крепившаяся на проволоке, ленточная, она должна была быть крепко ввязана в собственную волосяную косу с бантом. С висков полагалось опускать по букле, расчесанной и хорошо завитой на трех бумажках. В полковом и церковном строю, на караулах и во всякое время в городе волосы требовалось содержать напудренными. Трудно было сразу приноровиться ко всем тонкостям тогдашнего солдатского туалета, не уступавшему по сложности дамскому.

Наступил 1748 год, а вместе с ним празднества и новые царицыны милости дворянскому воинству. В канун Нового года указом Елизаветы Петровны были произведены в очередные чины многие офицеры, и в их числе Александр Иванович Суворов, получивший звание капитан-поручика. Это был заурядный гвардейский офицер, обязанности в полку исполнявший с прохладцей, весь ушедший в семейные заботы, воспитание своего девятилетнего сына Федора. Подобно многим другим гвардейцам, Александр Иванович не имел особого призвания к военному делу и, понятно, мало чем был полезен жадному до новых знаний племяннику. Разве что он мог как-нибудь на досуге за тавлейной – шахматной – доской поведать о блестящих походах 1742 и 1743 годов шотландца на русской службе фельдмаршала П. П. Ласси, об эпизодах недавней войны со шведами, коей был участником:

– Потеряв города Вилманstrand и Фридрихсгам и оставя все княжество Финляндское, шведское войско принуждено было ретираду получить. Война им была весьма разорительна и окончена миром, к удовольствию России. И оному первому шведского войска предводителю генералу Левенгаупту и генералу при нем Буденброку в Стекголме парламентом, почитая слабые их поступки, публично оным бедным генералам головы отсечены...

С воцарением Елизаветы и заключением в 1743 году выгодного мира в Або, по которому России отходила часть Финляндии и граница со Швецией отодвигалась по реке Кюмени, о войне, кажется, не помышлял никто. Будучи прямой наследницей Петра Великого, Елизавета, однако, не обладала ни его государственным умом, ни его военными наклонностями. Достаточно того, что она была вполне русской монархиней, пресекла бироновщину, сделала первый шаг к уничтожению пыток при допросах. Миновала тяжелая пора репрессий – общая амнистия вернула в семьи жертвы Бирона.

Провозгласив возвращение к традициям Петра, Елизавета в то же время сильно расширила привилегии дворянства, щедро раздавала земли и крепостных в собственность, ввела указом 14 марта 1746 года исключительное право дворян владеть землей и крепостными, а затем узаконила гнусную торговлю людьми.

В 1748 году императрице было тридцать девять лет. Доверив штурвал государства канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину и братьям Шуваловым, она, как и в ранней молодости, обожала балы, маскарады, танцы, наряды – гардероб ее насчитывал более тридцати тысяч платьев.

Роскошь и блеск дворца, подражавшего Версалю, стали удивлять самих иностранцев. Щегольство костюмами, головными уборами, драгоценными камнями не знало пределов. Нравы двора смягчились, появилась любовь к изнеженности, в придворных залах впервые распространилась атмосфера куртуазного, любовного флирта. На балах и празднествах Елизаветы царило обожание женщины, которой уже не была свойственна робость первых петровских ассамблей. Частые банкеты предшествовавшего царствования с обильными возлияниями сменились куртагами – приемами, где играла «обширная музыка итальянской капели», или «новоприезжие буфон с буфонкой и прочие итальянцы пели разные арии», или танцевали «приезжие из Италии и российские донсоры и донсорки». Увеселения при дворе следовали одно за другим почти ежедневно. Редкий день в камер-фурьерском журнале не отмечен куртагом, балом или театральным представлением.

Беззаботность и веселье, царившие при дворе, не могли не сказаться на состоянии русской армии, а гвардии в особенности.

Рапорт сержанта А. В. Суворова.

Юный Суворов немало изумился, не видя вокруг той суровой дисциплины и требовательности петровских времен, о которых так много рассказывал ему отец. Свои воинские обязанности гвардейцы выполняли из рук вон плохо. Солдаты-дворяне самовольно отлучались с постов, учиняли попойки и драки, присылали на тяжелые работы вместо себя своих крепостных. А так как в Семеновском полку солдат-дворян было около половины, то их помещичьи привычки и наклонности сделались причиной множества разного рода льгот и послаблений, к числу которых относилось и разрешение жить вне черты расположения части.

В обычный мокрый петербургский день, когда не разберешь, зима это или осень, дежурный по полку вывел семеновцев на главный плац для проведения строевых учений. Поставленные в каре или четырехугольник солдаты недовольно переговаривались, браня гнилую погоду. Дежурный подал команду «Смирно!» и бросился к полковой избе, откуда уже выходили господа полковые штапы во главе с командиром семеновцев генерал-аншефом Степаном Федоровичем Апраксиным, в пышной шубе поверх расшитого золотыми лаврами мундира. Сняв форменную шляпу, дежурный доложил о готовности полка к проведению экзерциций.

Вельможа задумчиво поднял толстое лицо к сочащемуся небу, вздохнул и неожиданно зычно скомандовал:

– Слушай приказ! Начать экзерциций на сей неделе... – Он передохнул, поправил на брюхе золотой шарф и решительно закончил: – Ежели на сей неделе будет благополучная погода. – И, тяжело повернувшись, пошел в избу. На крыльце Апраксин остановился: – А свободное время употребить на полковые работы...

Слобода продолжала отстраиваться, и хозяйство семеновцев не вполне еще наладилось.

Возвращаясь в казарму, долговязый солдат из дворян Петр Кожин кивнул Суворову:

- Знамо дело: работа не волк, в лес не уйдет...

- Ты-то чего радуешься, - ответил Суворов, - пойдешь, братец, в команду лес вырубать, твой черед.

- Нет уж, господин капрал, - усмехнулся Кожин, - не пойду. Или неведом тебе приказ, так пойдем покажу... «Нижеписанных рот солдат, а именно... Прозоровского... Лихачева...»

Кожин долго водил пальцем по строчкам, отыскивая свою фамилию, ибо в грамоте российской силен не был:

- Вот! «...Третьей роты Петра Кожина... как на караулы, так и на работы до приказу не посылать, понеже оные, вместо себя, дали людей своих в полковую работу для зженья угля; того ради оных людей присылать сего числа пополудни во 2 часу на полковой двор...»

- Сколько ж у тебя с собой дворовых? - полюбопытствовал Суворов.

- Двадцать осемь душ, не считая женского полу, - охотно сообщил тот. - За господской головою живут, так надо ж и им хлеб отрабатывать...

Суворов все более убеждался в том, что положение солдат-дворян никак нельзя было назвать тяжелым. Унтер-офицеров же гвардии приравнивали к армейским офицерам как в служебном отношении, так и по значению их в обществе. На них возлагались серьезные поручения, они ездили за границу от Иностранной коллегии, командировались и в глубь России. Дворяне, даже рядовые солдаты, приглашались на высочайшие балы и маскарады.

- В машкераде, который по соизволению ея императорского величества назначен в будущую пятницу, быть всем знатным чинам и всему дворянству российскому и чужестранным фамилиям, кроме малолетних, в приличных масках и притом, чтоб платья пилигримского и арлекинского и непристойного деревенского, також и на маскарадные платья мишурного убранства и

хрусталей употреблено не было, да и не иметь при себе никаких оружий... – Лейб-гвардии майор Никита Федорович Соковнин со значением оглядел ровные ряды солдат-дворян. – Того ради в ротах и заротной команде всем чинам объявить, и кто из дворян пожелает быть в том машкераде, о тех подать за руками командующих господ обер-офицерам в полковую канцелярию ведомости неотменно.

Стоявший на правом фланге взвода, рядом с капралом, долговязый Кожин толкнул локтем Суворова:

– В машкерад пойдешь? Суворов замотал головой.

– Экой ты, право, чудак. Да почему же не хочешь?

Кожин имел собственный выезд. Начальству даже приходилось ограничивать его в количестве запрягаемых в карету лошадей.

– Недосуг мне, да и к дамскому полу я склонности не имею...

– А ты слышал, что после бала будет разыгрываться кадетами на складной сцене русская трагедия «Хоревф и Нарт»? Александр живо обернулся к Кожину, позабыв, что находится в строю:

– Изволь, братец, пойдём. Трагедию посмотрю, и с превеликим удовольствием...

В назначенный час Суворов в простой полумаске уже сидел в богатой карете Кожина, разодетого в немыслимый восточный костюм. Императорский дворец был иллюминирован разноцветными плашками, сиял тысячами свечей в хрустальных жирандолях, отражавшихся в венецианских зеркалах, сверкавших в драгоценных уборах знатных дам.

Суворов впервые оказался посреди великолепия дворцовых зал, затянутых алыми, пунцовыми, вишневыми и зелеными шелками, шитыми серебром и отделанными золотым позументом. В залах стояли резные золоченые стулья и банкетки из березы, ясеня и темного дуба. В тяжелых рамах красовались писанные маслом парсуны и картины на мифические сюжеты.

В потоке нарядных гостей Кожин чувствовал себя как рыба в воде, раскланиваясь со знакомыми масками, обращая особое внимание, словно он искал кого-то, на молодых женщин – они носили на платьях, у выреза, специальный бант для интимных записочек, именуемый почтою любви.

Проходя зимним садом, Кожин вдруг остановился, в преувеличенно низком поклоне пропуская мимо себя веселую и шумную компанию. Впереди разряженных дам, большею частью с грубыми, топорными фигурами, двигался офицер-преображенец без маски. Узкий, в талию, темно-зеленый мундир очень шел его красивому круглому лицу, белому и живому, с голубыми глазами и маленьким ртом, твердо очерченным и алым. Он держался прямо и стройно, весело улыбаясь в ответ на приветствия окружающих.

Суворов удивился, но последовал примеру Кожина, шепнув ему:

– Лицо этого капитан-порутчика кажется мне знакомым...

– Тише, – не поднимая головы, отвечал Кожин, – сие всемилостивейшая государыня наша Елизавета Петровна...

Капрал еще не знал, что на балах и маскарадах императрица любила появляться в мужских платьях, которые ей очень шли, заставляя приближенных офицеров надевать дамские наряды.

Кожин скоро бросил новичка-семеновца, проследовав за кокетливой китайкой с украшенным драконами веером и мушкой на щеке – условным знаком согласия на свидание. Маленький голубоглазый капрал едва дождался начала театрального представления, проскучав в чужой разряженной толпе и зарубив себе не ходить более на дворцовые увеселения.

Суворов предпочел наблюдать жизнь двора лишь по необходимости – отправляясь в караулы – и рано почувствовал неприязнь к «розовым каблукам» – придворным, их изнеженности, сибаритству, легкомыслию, скорому и несправедливому возвышению, начинавшемуся с младенчества, «будучи от отца у сиськи».

...День тезоименитства Елизаветы, 5 сентября 1748 года, читал он в газете «Санкт-Петербургские ведомости», «празднован в Летнем доме обыкновенным

образом»: по окончании литургии в церкви объявили о награждении сановников орденами и чинами. Среди отмеченных были сыновья Николая и Андрея Шуваловых – «первому из них шесть, а второму пять лет от роду».

«Ввечеру был при дворе бал, и на дворе перед залую представлена была великолепная иллюминация, состоящая в монументе или великолепном здании в честь имени ее императорского величества, в двух крылах по обе стороны перспективы, или главного входа во дворец, с аллегорическими и на славное имя ее императорского величества склоняющимися украшениями...»

В эту пору первые воинские места заняли люди хоть и русские, но малоодаренные – фельдмаршал на двадцать втором году жизни, фаворит Елизаветы А. Г. Разумовский, никогда не бывший в сражениях князь Н. Ю. Трубецкой, ловкий придворный граф А. Б. Бутурлин, сам называвший себя «фельдмаршалом мира, а не войны», брат фаворита и украинский гетман К. Г. Разумовский, наконец, генерал-аншеф благодаря дружбе с Шуваловым и Бестужевым С. Ф. Апраксин.

«Возлюбленная тишина», которую воспел в оде на восшествие Елизаветы М. В. Ломоносов, длилась целых четырнадцать лет.

Суворову она позволила довершить свое самодеятельное военное образование. Получая от отца небольшую сумму, он ухитрялся экономить и все оставшиеся деньги тратил на покупку книг, посылая за ними в лавку смышленного Ефима Иванова. Прежней близости, понятно, между ними не могло быть. Теперь для Ефимки Александр был молодым баринном. Но как радостно удивился Суворов, застав однажды своего дворового за чтением.

– Ты когда же грамоте выучился?

– Да в книжной лавке. Каждый раз спрашивал о какой-нибудь букве. А дома сидеть скушно, вот и складать стал...

Не в пример Ефиму другой слуга Суворова – Сидор Яковлев с молодым господином бывал дерзок, из дому отлучался и нередко попивал, невесть где добывая деньги.

Суворову, впрочем, было не до Сидора. У него не оставалось времени даже на легкий досуг и развлечения, так много он читал, так усердно нес службу в полку. Возможно, капрал-семеновец посещал и Сухопутный шляхетский корпус, хотя преподавание в нем при Елизавете велось дурно и вряд ли мог он почерпнуть там что-либо для себя новое.

С поступлением в Семеновский полк перед Суворовым открылась возможность практического изучения самых основ воинской жизни. Впрочем, слово «изучение» тут, пожалуй, неуместно. Суворов принял солдатчину не как систему мелочных и угнетающих обязанностей, от которых надо уклоняться, но как необходимое и уже потому увлекательное начало длинного пути, ведущего к тому, чтобы в будущем сравняться со своими кумирами. Со стороны такое упорство могло показаться одной странностью: неказистый, хилый капрал-дворянчик без связей и покровителей задался выполнить нечеловечески трудную программу. Но он принялся за нее с настойчивостью почти маниакальной.

Первый ее пункт значил: не притвориться солдатом, а претвориться в него – познать его психологию, особенности, привычки, быт, досконально изучить его душу. Проведший отрочество без матери, под рукой сдержанного и сурового отца, он быстро вжился в новую, воинскую семью. Для молодого Суворова начатое теперь познание, и открытие русского солдата было и познанием и открытием русского народа.

Крепостные крестьяне, отданные в солдаты, несли, как известно, службу почти всю жизнь, не меньше, чем в войнах, гибли в госпиталях от плохого ухода, скученности, эпидемий, страдали от муштры и жестокого обращения офицеров. Если солдату-дворянину, особенно гвардейцу, служба могла и не быть в тягость, то для вчерашнего крестьянина трудность солдатчины была непомерной. Все это правда, точнее – полправды. Другая половина заключалась в том, что и на такой тяжелой службе русский человек оставался самим собою, не терял драгоценных качеств своего национального характера. Народ и в солдатчину внес нечто свое, неповторимое и ее облагородившее.

«В русской солдатской среде, – справедливо замечает А. Петрушевский, – много привлекательного. Здравый смысл в связи с безобидным юмором; мужество и храбрость спокойные, естественные, без поз и театральных эффектов, но с подбоем искреннего добродушия; уметь безропотно довольствоваться малым, выносить невзгоды и беды так же просто, как обыденные мелочные неудобства.

Суворов был русский человек вполне; погрузившись в солдатскую среду для ее изучения, он не мог не понести на себе ее сильного влияния. Он сроднился с нею навсегда; все, на что она находила отголосок в его натуре, выросло в нем и окрепло или же усвоилось и укоренилось».

Суворов заставил себя почувствовать вкус ко всему, что связано с действительной службой в армии, и стать образцовым солдатом. Вечером, перед уходом из казармы, он всякий раз проверял, как вычищено после стрельбы его ружье, хорошо ли смазаны шурупы. Это была все та же кремневая гладкоствольная фузезя петровских времен. Лишь дальность и меткость стрельбы с тех пор несколько повысились за счет более тщательной отделки ствола и улучшения качества пороха. Прицельный огонь, однако, можно было вести только на расстоянии шестьдесят – восемьдесят шагов.

– Жена моя в надлежащем виде, – ставя ружье в «перемиду», объявил он дежурному – Петру Кожину, недавно нашившему на рукав капральский позумент.

– Тебе, Суворов, только и забот что ружье да экзерциции, – уныло возразил тот.

– А тебе?

Кожин скорчил смешную гримасу и вместо ответа запел:

Радость моя паче меры, утеха драгая,

Неоцененная краля, лапушка милая

И веселая, приятно, где ты теперь гуляешь.

Стосковалось мое сердце, почто так терзаешь...

– Сиречь, рандеву его ожидало, а вышло, сиречь, дежурство! – догадался туповатый Александр Прозоровский, прозванный в полку Сиречь за неумеренное употребление этого слова.

– Так, братцы. Суждено мне здесь всю ночь маяться да о лапушке моей мечтать.

– Погоди, – остановил его Суворов, – в беде такой я тебе сикурсовать могу. Поидем к сержанту, он дозволит мне за тебя на дежурство заступить...

Длинный капрал сгреб Суворова в объятия, поднял и закружил по казарме, припевая:

Если вас сподоблюсь видеть, закричу:

«Ах, светик мой!

Ты ли, радость, предо мной! Я раб и слуга твой».

То ли разно развернусь, прижав, поцелую.

Подарю драгую перстнем, кинусь, размилю.

Виват, радость! Виват, сердце! Виват, дорогая!

Неоцененная краля, браллиант, дорогая!..

Суворов охотно шел на дежурство, в караулы, с тщанием отрабатывал экзерциции, ровно никакого значения не имевшие в условиях боевых, – он повиновался, и его всегда критический ум молчал. Можно вообще предположить, что в эту начальную пору своей солдатчины он нигде не бывал, кроме казармы, караулов, дома в Преображенской слободе да еще Сухопутного корпуса.

Несмотря на свой неказистый вид, Суворов добился отличной выправки, ловко выполнял ружейные приемы и отдавал приветствия. Однажды был он наряжен в караул в садах Летнего дворца, когда неподалеку прогуливалась Елизавета. Капрал так молодецкато отдал ей комплимент, что царица остановилась и поинтересовалась его именем. Узнав, что он сын Василия Ивановича Суворова, крестника ее отца, она вынула серебряный рубль и подала ему.

– Государыня, не возьму, – почтительно сказал Суворов. – Закон воспрещает солдату брать деньги, стоя на часах.

– Молодец! Знаешь службу, – ответила дочь Петра и потрепала по щеке маленького капрала. Она положила рубль к его ногам. – Возьми, когда сменишься.

Ревностное отношение к службе молодого Суворова сразу же выделило его среди других семеновцев-дворян. Не удивительно, что он очень скоро стал получать довольно почетные назначения. Летом 1748 года в морской крепости России – Кронштадте должно было состояться торжественное «провождение» корабля «Захарий и Елисавет», для чего от гвардейских полков посылались команды, отбор в которую производился очень тщательно. От Семеновского полка в числе четырех капралов был назван и Суворов. Сборы и подготовка длились весь май, а в Петербург команда вернулась в 20-х числах июня.

В один из июльских дней, занимаясь на плацу с новобранцами, Суворов заметил запыхавшегося Ефима Иванова.

– Батюшка, Александр Васильевич! – только и выговорил он. Сидор бежал, а куда – неведомо, и два рубля забрал, что на книги ты оставил!..

Событие это считалось по тем временам весьма неприятным, даже чрезвычайным, хотя крепостные в поисках лучшей доли часто бежали от своих господ. По Семеновскому полку был отдан специальный приказ с точным описанием примет беглого. Сидор Яковлев, однако, как в воду канул: никто о нем более ничего не слышал.

В конце 1748 года по случаю «шестивия» в Первопрестольную императрицы Елизаветы был составлен для сопровождения ее гвардейский отряд. И снова капрал Александр Суворов, несмотря на то что он находился во 2-м батальоне, а от семеновцев в отряд был определен 3-й батальон, оказался в числе «московской» команды. Эта командировка особенно обрадовала Суворова. Помимо почетного ее значения, поездка в Москву, первая со времени вступления капрала в полк, позволяла повидать родных – отца и сестер, город, где прошло его детство.

Жизнь семеновцев на новом месте ровно ничем не отличалась от петербургской. В полковой школе продолжалось обучение солдат уставным наукам; велись ежедневные разводы и назначались караулы в «дом ее императорского величества» на Яузе. Впрочем, к числу обычных нарядов прибавились недельные дежурства «по Генеральной Московской Сухопутной гофшпитали».

Русский военный госпиталь той поры был могилой для солдат. На содержании больных, приписках и мертвых душах наживались лихоимцы подрядчики. Госпитали были переполнены, врачей приходилось по одному на сотню больных, госпитальная прислуга отличалась невежеством. Инфекция косила солдат. Молодым и беззаботным гвардейцам-дворянам вовсе не хотелось идти на целую неделю в духоту, грязь и видеть вокруг страдания и смерть. Не помогали даже угрозы записывать провинившихся унтер-офицеров и капралов в солдаты, а солдат – в «извозчики». Больные продолжали жаловаться, что «определенные за оными капралы не токмо никакого не имеют смотра, но и сами тут редко бывают».

Несомненно, что капрал Суворов уже тогда поставил своей целью с рвением и усердием выполнять самые трудные и неприятные поручения. Его назначение на дежурство в госпиталь последовало 1 июля 1749 года; через неделю прибыла, как и полагалось, смена. Но 15-го числа он снова наряжен к больным солдатам и остается там вопреки правилу подряд две недели. Подмененный 30 июля, он получает передышку лишь до 12 августа и опять назначается в «гофшпиталь». Последнее в 1749 году дежурство капрала Суворова длится непрерывно восемь недель, а всего он проводит в госпитале около четырех месяцев.

С ранних лет проявилось одно очень ценное качество Суворова: извлекать для себя пользу из самых, казалось бы, малоинтересных поручений. Что могло дать девятнадцатилетнему капралу длительное дежурство в «Московском гофшпитале»? Нет сомнения, что его позднейшее, резко критическое отношение к военным больницам и лазаретам – «богадельням», как называл он их, – обязано этому вот раннему опыту. «Бойся богадельни, – не уставал твердить полководец, – немецкие лекарственницы, издалека тухлые, сплошь бессильны и вредны; русский солдат к ним не привык; у вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог; береги здоровье; чисти желудок, коли засорился, голод – лучшее лекарство... В богадельне первый день – мягкая постель, второй день – французская похлебка, третий день – ея братец, домовище, к себе и тащит. Один умирает, а десять его товарищей хлебают его смертный дух...»

Это было, понятно, не отрицанием медицины как таковой, но следствием стремления Суворова в корне улучшить положение и самый быт русского солдата. «Причины болезней, – писал он впоследствии, – изыскивать не в лазаретах между больными, но между здоровыми и в полках, батальонах, ротах и разных отдельных командах, исследовав их пищу, питье, строение казарм и

землянок, время их построения, пространство и тесноту, чистоту, поваренную посуду, все содержание, разные изнурения, о чем доносить полковому или другому командиру, а в другой раз уже в главное дежурство».

Кроме несения службы в госпитале, Суворов регулярно участвовал в проводимых экзерцициях, носивших по преимуществу парадный или условно-полевой характер. Ордер-баталии на учебном плацу проводил сам командир батальона Соковнин, его чин гвардии майора приравнивался к генерал-майору армейских войск. В диспозиции, составленной Соковниным, особое внимание уделялось в согласии с «прусской экзерцицией» Миниха, слаженности залповой, а не прицельной: стрельбы. Стреляли плутонгами – подразделениями, на которые делилась рота. Последующие перестроения были сложны и громоздки.

Майор вызывал одного за другим офицеров, отдававших батальону команды согласно ордер-баталии.

– Маршировать без пальбы три шага по бою одного-барабана! Потом командовать офицерам поплутоножно, аванзируя вперед по три шага, три патрона, и в то время во всех дивизионах бить поход в один барабан!..

Следя за выполнением команд, Соковнин обратил внимание на четкость и отменную чистоту, с которой производили экзерциции солдаты 11-й роты. Однако вызванный из этой роты офицер неожиданно для Соковнина своими распоряжениями весь батальон спутал, так что вместо желаемого перестроения получился один хаос.

– Диспозиции не знаете! – накинулся на вконец растерявшегося поручика Соковнин. – Извольте сдать шпагу и итить под арест!..

Майор медленно проследовал вдоль сломанного строя семеновцев и остановился перед маленьким голубоглазым капралом, который держался молодцевато и у которого все сияло вычищенной медью: пуговицы, эфес тесака, герб на суме.

– Как звать?

– Одиннадцатой роты капрал Александр Суворов! – громко и смело ответил тот, сняв шляпу и держа ее опущенной в левой руке.

Соковнин уже слышал об этом капрале от его ротного командира, который сказывал, что Суворов сам напрашивается на трудные поручения, никогда не нанимает для служебных надобностей за себя солдат, любит учить фронту, причем весьма требователен и большую часть времени проводит в казарме. Солдаты, по словам ротного командира, очень любят Суворова, но считают чудаком...

– Господин капрал, – растягивая слова, приказал майор, – командуйте, якобы вы офицер!..

Поправив трость, висевшую на пуговице, – знак его капральской власти, – Суворов четко и внятно принялся отдавать команды, вернув батальону стройность.

– Отменно, братец, отменно! – подобрел Соковнин. – А можешь изложить диспозицию батальона-каре на походе и каким манером она делается?

– Гренадеры второго и третьего plutонга, поворотясь направо кругом, входят сквозь первую роту в батальон-каре и примыкают с правых флангов ко второму и четвертому дивизионам, а первый и четвертый plutонги, заступая места второго и третьего, проходят на правые ж фланги к первому и третьему дивизионам, – без запинки начал сыпать словами капрал. – Первый дивизион дает место проходить гренадерам на батальон-каре, и для того сказать должно: «Направо!» и «Налево!», а как гренадеры пройдут, паки сомкнуться...

– Довольно, братец! – остановил его Соковнин. – Вижу, что ты диспозицию лучше иных обер-офицеров изучил. Зайди-ка после экзерциции ко мне в полковую избу.

Майор встретил Суворова еще более приветливо:

– Отрадно, что у нас в полку есть унтер-офицеры, которые не в одном гулянье да деланье пуншей упражняются... Расскажи мне, братец, как ты столь отменных знаний добился и солдат своего карпоральства экзерцициям в совершенстве обучил.

– Я, прочитав сию диспозицию несколько раз, понял ее совершенно. Но досадно было, что не дали нам планы перестроения. Из одного описания солдаты разобрать и понять экзерциции никак были не в состоянии. Постарался я сам

онь по единому описанию сделать...

- Похвально! - удивился майор.

- Что касается до обучения солдат, - продолжал Суворов, - то не одних рекрутов, но и старых солдат упражняться заставлял, притом без употребления строгости и всяких побоев. Я вперил в каждого охоту и желание выучиться скорее и искусством своим превзойти товарищей...

Соковнин только хмыкнул, удивляясь все больше и больше.

- Обходясь с ними ласково и дружелюбно, разделяя с ними труды, довел я их до того, что солдаты сами старались все понять. Для скорейшего достижения установили они между собою - не давать тому прежде обеда, кто не промечет без ошибки артикула... Солдаты были довольны, ни один не мог жаловаться, что он слишком убит или изувечен, ни один из них не ушел и не отправлен был в лазарет...

Исполнительный, усердный, инициативный капрал Суворов вскоре добился повышения. Всего лишь через год после прибытия в Семеновский полк, 22 декабря 1749 года, он был записан в подпрапорщики. Через три месяца после возвращения гвардейской команды в Петербург, очевидно, по представлению лейб-гвардии майора, последовало новое назначение: «Каптенармусу Ушакову и подпрапорщику Суворову быть бессменно на ординарцах у его превосходительства господина майора и кавалера Никиты Федоровича Соковнина...»

Жизнь в полку текла монотонно, по-прежнему низкой была дисциплина, чему способствовало еще и отсутствие единовластия. Пресекая возможные злоупотребления, Петр I всюду вводил коллегиальное устройство, не сделав исключений и для полков. Действительными распорядителями их судеб были «господа полковые штапы», то есть комитет штаб-офицеров полка.

С провинившимися гвардейцами-дворянами «господа полковые штапы» обходились до удивления мягко, принимая их сторону в конфликтах с выходцами из крепостных, хотя бы и унтер-офицерами. Суворов хорошо знал сержанта Иосифа Шестаковского, обучавшегося в полковой школе, где сидели наравне дворяне с недворянами, солдаты с унтер-офицерами, взрослые с

малолетними. Сам Шестаковский благодаря своим незаурядным способностям выдвинулся из числа солдат-недворян и несколько лет находился в кадетском корпусе. С 1747 года в чине каптенармуса он начал преподавать в полковой школе.

Немало доставалось от него ленивым и нерадивым ученикам, в числе которых был и Петр Кожин. Однажды, оказавшись в одной компании с Шестаковским, Кожин со своим дружкой капралом Лихачевым напал на своего учителя. Бутылкой он разбил сержанту лоб до кости, а Иван Лихачев драл его за волосы, после чего Шестаковский был увезен в больницу. Читая приказ Соковнина, Суворов мог только возмущаться пристрастности несправедливо легкого наказания:

«И за вышеписанныя их предерзости Кожина и Лихачева при собрании всех унтер-офицеров и школьников на полковом дворе поставить их на сутки через час под 6 ружей да сверх оного взыскать с них за увечье ему, сержанту Шестаковскому, денег 50 рублей и пользоваться оным, Кожину и Лихачеву, его, Шестаковского, от болезни его своим коштом...»

– Нет, – бормотал он, возвращаясь после отбоя в дом своего дядюшки, – тут вам не дворовые люди, кои побои принимают безответно... Таковое рукоприкладство пресекать в армии – и беспощадно!..

К полковому двору метнулась тень. Суворов резко бросился наперерез и тут же остановил красивого солдата, тонкого и высокого, норотившего тайком проскользнуть в свою избу.

– Стыдно! Звание солдата российского позоришь! – набросился Суворов. – Придется в полковое дежурство доложить. Как фамилия?

– Орлов Григорий... – заливаясь смуглым румянцем, отвечал юноша.

– Сколько лет? – смягчая тон, продолжал допрос Суворов.

– Пятнадцать, господин подпрапорщик.

– А отчего я тебя ни разу в ротах не видел?

– Прикомандирован к Сухопутному корпусу.

– Ладно. – Суворов совсем остыл. – Иди к себе в роту, только господам обер-офицерам не попадайся.

Им было суждено встретиться вторично только через долгих двенадцать лет...

8 июня 1751 года Суворов был произведен в сержанты. Как справедливо отмечал один из исследователей, «снова приходится подчеркнуть факт довольно хорошего относительного движения Суворова по службе». Это тем более очевидно, что многие сверстники оставались рядовыми по десять и даже пятнадцать лет. Будучи гвардии сержантом, Суворов, по собственным словам, исправлял «разные должности и трудные посылки». Что это были за «посылки», частично выясняется из двух сохранившихся подорожных: в начале 1752 года Суворов-курьер был отправлен с депешами в Дрезден и Вену и находился за границей с марта по октябрь. Кроме блестящей служебной репутации причиной назначения его в эту командировку было, конечно, знание иностранных языков. Почти восьмимесячное пребывание в Дрездене и Вене позволило Суворову совершенствоваться в немецком, французском, а возможно, и изучить итальянский язык. Недаром в списке офицеров Суздальского полка 1763 года против имени Суворова обозначено, что он владеет всеми этими тремя языками.

Поздним октябрьским вечером, воротившись из долгого путешествия в Пруссию и Австрию, появился он в доме капитан-поручика, своего дядюшки.

– Батюшка, Александр Васильевич! – всплеснул руками рыжий Ефим. – И до чего исхудал, исплошал – один нос остался!..

Пока Суворов утолял голод, Александр Иванович подступал к нему с вопросами:

– Ну как там, у немцев, чать, навидался чудес?..

– Что чудеса, – отвечал Суворов, обводя счастливыми глазами домашних Александра Ивановича, – веришь ли, дни считал, так домой тянуло... В Пруссии встретил я русского солдата. Боже, как я обрадовался – братски расцеловал я его! Расстояние сословное между нами исчезло! Я прижал к груди земляка... Право, если бы Сулла и Марий встретились нечаянно на краю земли на Алеутских островах, соперничество между ними пресеклось бы. Патриций обнял

бы плебея, и Рим не увидел бы кровавой реки...

Следующий, 1753, год значительно изменил судьбу прокурора Василия Ивановича Суворова. Представленный Сенатом к назначению в синодские обер-прокуроры, он был по высочайшей резолюции 29 марта пожалован в «брегадиры» и члены Военной коллегии. Начинается быстрое возвышение Суворова-старшего, в котором Елизавета оценила приверженность петровским идеям. 18 декабря того же года, в день своего рождения, она, в числе других награжденных, произвела Василия Суворова в генерал-майоры при той же Военной коллегии.

Сыну его шел уже двадцать пятый год. В очередном «шествии» в Москву сделано было Апраксиным представление Елизавете о производстве определенного числа гвардейцев в армию офицерами. Генерал-аншеф и лейб-гвардии подполковник напомнил, что Петр I оставлял для гвардейцев треть офицерских вакансий в напольных, то есть армейских, полках. Императрица в ответ повелела учинить выпуск в армию наиболее достойных гвардии сержантов – поручиками, унтер-офицеров – подпоручиками, капралов и рядовых – прапорщиками.

25 апреля 1754 года в числе других ста семидесяти пяти гвардейцев Суворов был произведен в офицеры, причем чин поручика получили лишь тридцать четыре человека. 10 мая Военная коллегия определила Суворова в Ингерманландский полк, один из старейших и лучших в русской армии, принимавший при Петре I участие в походах совместно с гвардией. Тотчас после определения Суворов с разрешения Военной коллегии был уволен на один год в «домовой» отпуск. Он жил и это время как в имениях отца, так и в Москве, вместе с сестрами.

Этот год он употребил на продолжение своего образования – совершенствовался в знании языков, читал книги по истории и военному искусству.

3

Пятидесятые годы XVIII века в России отмечены взлетом отечественной науки, искусства, литературы. «Бег державный», который получила страна при Петре, не могло уже остановить никакое лихолетье. К 50-м годам относится оживление работы Российской академии наук, создание Московского университета, выход в

свет первого русского журнала «Ежемесячные сочинения», учреждение Российского театра и Академии художеств в Петербурге. В эту же пору в Москве создается первая частная «Типографская компания», начинает выходить газета «Московские ведомости». Это было время, когда великий Ломоносов совершил капитальные открытия в физике, химии, астрономии, геологии. Его многосторонняя деятельность отражала стремительное развитие могущественного русского национального государства и была пронизана высоким патриотическим пафосом.

«Где удобней совершиться может звездочетная и землемерная наука, как в обширной державе, над которою солнце целую половину своего течения совершает и в которой каждое светило восходящее и заходящее во едино мгновение видеть можно. Многообразные виды вещей и явлений, где способнее исследовать, как в полях великое пространство различным множеством цветов украшающих, на верхах и в недрах гор выше облаков восходящих и разными сокровищами насыпанных в реках от знойныя Индии до вечных льдов протекающих, и во многих пространных морях», – писал Ломоносов в 1749 году. Эти мысли были близки и Суворову – они соответствовали его внутренним устремлениям, его преклонению перед величием и неисчерпаемыми возможностями России, его уважению, с каким он относился к науке, к знаниям.

Ломоносова и Суворова сближало их безусловное восхищение Петром I, под руководством которого, как писал Ломоносов, «укрепилось российское воинство и в двадцатилетнюю войну с короною шведскою и потом в другие походы наполнило громом оружия и победоносными звуками концы вселенной». Их роднила и борьба за развитие и укрепление национальных традиций – Суворов в военном искусстве боролся против прусских порядков, а Ломоносов – в отечественной науке против засилья иноземцев.

В Петербурге при кадетском корпусе в царствование Елизаветы образовалось первое «Общество любителей российской словесности». Суворов не только следил за произведениями тогдашних знаменитостей – Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского, но, по свидетельству поэтов Хераскова и Дмитриева, посещал это общество и даже читал там собственные литературные произведения.

К офицерской службе он мог в эту пору отнестись довольно формально. Вернувшись из годовичного отпуска, Суворов пробыл в полку всего лишь восемь месяцев и уже 17 января 1756 года по определению Военной коллегии был произведен в обер-провиантмейстеры (ранга капитанского) для «смотрения в

Новгородской губернии: Новгородского, Старорусского и Новолодожского провиантских и фуражных магазинов». И в этой должности он находился недолго. Разумеется, интендантская служба не могла быть ему по сердцу, зато обогатила будущего полководца полезным опытом. Через много лет, направленный в Финляндию, Суворов столкнулся с необходимостью привести в порядок хозяйственную часть войск и обмолвился в одном из писем, что к этому роду службы подготовился, когда был обер-провиантмейстером.

28 октября 1756 года последовало новое назначение, вновь с повышением в ранге. Суворов был произведен в генерал-аудитор-лейтенанты, что по петровской «Табели» означало восьмой класс и соответствовало чину пехотного майора. В новой должности, однако, он не находился ни одного дня. Уже 4 декабря того же года по определению Военной коллегии Суворов был переименован в премьер-майоры и определен в «пехотные полки команды генерал-фельдмаршала Бутурлина».

В результате через два года и семь месяцев из сержанта гвардии Суворов стал премьер-майором. Нельзя, стало быть, утверждать, что он слишком долго засиживался в чинах, и его признание: «Я не прыгал смолоду...» – справедливо лишь отчасти. Конечно, вблизи стремительной карьеры иных его сверстников, баловней судьбы, такое продвижение представлялось более чем скромным: М. Ф. Каменский сделался полковником двадцати трех лет и тридцати одного года – генералом; Н. В. Репнин – полковником двадцати четырех, генерал-майором – двадцати восьми лет; наконец, талантливейший П. А. Румянцев стал полковником на девятнадцатом году жизни и генерал-майором – на тридцатом. Не следует забывать, однако, что все эти лица принадлежали к придворной элите и были исключением из правила. В массе же служивого, «средней руки» дворянства Суворов выделялся своим относительно быстрым продвижением в штаб-офицеры, что открывало перед ним возможность проявить свои дарования и знания, накопленные в годы солдатской молодости.

Скромный человек, Суворов исподволь, трудолюбиво, начав с низших чинов, продвигался к намеченной цели. Он хотел показать себя в деле, и случай этот скоро представился.

Примерно с 1750 года, когда вероятность войны с Пруссией становилась все реальнее и выяснилось, что в сравнении с русско-турецкими и русско-шведскими кампаниями борьба с таким противником, как Фридрих II, потребует от русской армии значительно больше усилий и искусства, начались медленно перемены в

организации и вооружении войск. В пехоте были выделены особые отборные полки – гренадерские, а в обычных сформировано по три гренадерские роты. Те же изменения проводились и в коннице, где появились конно-гренадерские полки; в состав ее вошли и полурегулярные полки, получившие названия гусарских. Значительные перемены, связанные с именем П. И. Шувалова, коснулись русской артиллерии. В 1756 году армия получила знаменитые «шуваловские» гаубицы и более легкие, подвижные скорострельные орудия – единороги. Шуваловские единороги блестяще зарекомендовали себя в боевых условиях и состояли на вооружении войск во всех походах Суворова.

Самый факт изобретения фейерверкерами Даниловым и Мартыновым единорога доказывает, насколько русская военная мысль шла тогда впереди Запада. Известно, что французский артиллерист Грибоваль, познакомившись с единорогом в Вене, где он демонстрировался, снял с него чертежи и фактически заимствовал у русских ряд усовершенствований. Через пятнадцать лет орудия подобной системы появились во Франции.

15 декабря 1755 года были обнародованы новый пехотный и кавалерийский уставы, которые были значительно ближе «прусской экзерциции» Миниха, чем законам Петра Великого. Между тем именно этими уставами обязан был руководствоваться Суворов при переучивании солдат в последние месяцы службы в Ингерманландском полку и позже, находясь в пехотных частях Бутурлина. В согласии со вновь изданными уставами должна была действовать русская армия в течение всей Семилетней войны. Такова была сила косности и инерции. Впрочем, нельзя упускать из виду, что все «экзерциции» Петра I оставались действующим законом и сохраняли свое значение как «Генеральный устав о полевой службе».

Сделав выбор между гвардией и армией, Суворов начал путь русского боевого офицера. Он нашел себе опору в солдатской массе, которую не только досконально изучил, но и полюбил всей душой. Проводником своих идей он считал армейское офицерство, формировавшееся из среднего служилого дворянства. «Высшее дворянство находило себе приют в гвардии, у которой была своя политическая история в XVIII веке. Впрочем, более шумная, чем благотворная», – писал В. Ключевский. У среднего дворянства и судьбы были скромнее. «Они не делали правительств, – продолжал историк, – но решительно сделали нашу военную историю XVIII века. Это пехотные армейские офицеры, и в этом чине они протоптали славный путь от Кунерсдорфа до Рымника и Нови. Они с русскими солдатами вынесли на своих плечах дорогие лавры Минихов,

Румянцевых и Суворовых».

Кунерсдорфская битва была первой крупной битвой, в которой участвовал пехотный армейский офицер Суворов, приведший российскую армию к победам при Рымнике и Нови.

Глава третья

Семилетняя война

Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,

Ты, Швейдниц, Кенигсберг Берлин,

Ты, звук летающего строя,

Ты, Шпроя, хитрая река,

Спросите своего героя:

Что может росская рука.

М. Б. Ломоносов

1

Стремительное возвышение Пруссии, получившей независимое бытие лишь в XVII веке и возведенной в степень королевства в 1701 году, несоразмерный с внутренними ресурсами рост ее военной машины, алчность ее правителей – все это нарушило и без того непрочный мирный эквилибр – равновесие – в Европе. Пока крупнейшие западные державы занимались в начале столетия дележом так называемого испанского наследства, энергичные прусские короли уже подготовили на маленьком плацдарме своего государства составленную из всякого сброда, но отлично выдрессированную армию.

Король Фридрих Вильгельм I оставил своему сыну в 1740 году небольшое государство – всего с 2,2 миллиона населения, но зато с 76-тысячным войском, по численности не уступавшим австрийскому, однако, по мнению современников, лучше организованным, обученным и вооруженным. С 1713 года была введена пожизненная служба солдат. Вся страна превратилась в единый военный лагерь, где население жило для армии и работало на армию.

Честолюбивый и циничный, единовластно распоряжавшийся всеми ресурсами страны, склонный, как и Карл XII, к авантюризму и одаренный полководчески, Фридрих II откровенно стремился к захвату чужих земель, благо его соседями были клонившиеся к упадку австрийские Габсбурги и раздираемое внутренними противоречиями Ягеллонское королевство. В состав Габсбургских владений входили Австрия с Каринтией и Тиролем, Чехия, Венгрия, Ломбардия и области в Нидерландах. После смерти императора Карла VI явилось сразу несколько претендентов на различные области этой лоскутной монархии. Тогда еще малоизвестный Фридрих II ввел свои войска в богатую промышленную провинцию Силезию. В декабре 1740 года началась война за «австрийское наследство».

По Аахенскому миру (1748) Силезия осталась за Пруссией, благодаря чему та приобрела в Европе значение великой державы. Население королевства увеличилось на полтора миллиона человек, а численность армии достигла ста шестидесяти тысяч. В угрожающей близости от границ России со сказочной быстротой выросло сильное милитаристское государство. В январе 1756 года Англия заключила с Фридрихом соглашение, по которому стороны «обязывались поддерживать мир в Германии и выступить с оружием в руках против всякой державы, которая посягнет на целостность германской территории». В ответ на это Елизавета немедленно возобновила русско-австрийский союз, придав ему наступательный характер. Россия обязывалась выставить восьмидесятитысячную армию в помощь Австрии. В случае победы над Фридрихом австрийцы возвращали себе Силезию, а Россия получала Восточную Пруссию. К русско-австрийской коалиции присоединилась Франция, а затем Швеция и большинство мелких германских государств.

Фридрих решил упредить противников, чувствуя их неподготовленность к войне, и разбить поодиночке. В августе 1756 года он ворвался во главе почти стотысячного войска в Саксонию, оттеснив австрийцев, полностью занял ее и даже включил саксонцев в свои войска. 16 августа Россия объявила войну Пруссии. Конференция – совет высших сановников при Елизавете – возложила

формирование армии на Александра Борисовича Бутурлина, одного из влиятельнейших вельмож Елизаветы, возведенного ею в графское достоинство, фельдмаршала, подполковника Преображенского полка, сенатора и многих российских орденов кавалера. В пехотные полки Бутурлина, как мы помним, был направлен двадцатисемилетний премьер-майор Суворов.

– ...Мы с батюшкой твоим Василием Ивановичем вместе состояли в денщиках у незабвенного государя нашего Петра Великого. Я же был у него любимейшим. – Рассказывая, Бутурлин покосился на секретаря, не уходившего из покоев. – Тебе чего?... – Престарелый вельможа сей был слегка навеселе.

Секретарь, ничуть не смущаясь присутствием Суворова, положил на стол бумагу:

– Ваше сиятельство сделали ошибку в этом слове...

Бутурлин взглянул на Суворова, взял гусиное перо, подумал над своей резолюцией и тут же с досадой бросил перо прочь:

– А вы... Вы даже перьев очинить не умеете! Извольте сами поправить...

Суворов уже слышал о Бутурлине, что он отличался добротой, умом, однако не получил, как и многие другие вельможи, никакого образования и не был способен командовать не только армией, но даже и двумя-тремя полками. Позднее, когда его назначили в 1760 году главнокомандующим, театр будущих военных действий специально для него отмечался карандашом, так как фельдмаршал не имел представления о географической карте. Случилось Бутурлину выйти, и граф Захар Чернышев, желая подшутить над ним, перевернул карту. Возвратившийся главнокомандующий, не видя отмеченного места, при рассуждениях о будущих операциях все время тыкал пальцем в море. «Тут утонешь», – заметил ему с улыбкой Чернышев, отводя его руку в сторону...

Находясь у Бутурлина, Суворов мог лишь издали следить за действиями русской армии, которую возглавил осторожный С. Ф. Апраксин, шеф семеновцев и фельдмаршал с 1756 года. Премьер-майор Суворов, причисленный 4 февраля 1757 года «в комплект в Куринский пехотный полк», был направлен сперва в распоряжение начальника этапного пункта в Либаве, а после обер-провиантмейстером в Мемель с поручением снабжать войска, идущие на

Тильзит. Подробности кампании 1757 года доходили до него через немецкие и русские газеты, рассказы раненых офицеров-очевидцев и приезжающих в Петербург курьеров.

Действия Апраксина отличались крайней медлительностью: только во второй половине июня 1757 года он перешел Неман и черепашим шагом двинулся в глубь Восточной Пруссии. Осведомленный от своих шпионов о нерешительности русских, Фридрих поручил защищать Пруссию двадцатидвухтысячному отряду Левальда, а сам в первых числах апреля вторгся в Богемию, в кровопролитном сражении разбил австрийцев и осадил Прагу. Однако 18 июня под Колином пруссаки потерпели сокрушительное поражение. К августу 1757 года Прусское королевство было в кольце союзных армий, насчитывавших около трехсот тысяч солдат. Все усилия Фридрих устремил теперь на запад, против франко-австрийских войск. Опасность с востока, по его мнению, ему не грозила. Он презирал Россию, презирал ее армию, высокомерно заявлял: «Это орда дикарей, не им воевать со мною...»

Елизавета, крайне недовольная Апраксиным, побуждала его разгромить войска фельдмаршала Левальда, которые преградили путь на Кенигсберг. 17 августа русская армия переправилась через реку Прегель и расположилась на лугу перед деревней Гросс-Егерсдорф, а рано утром 19 августа Апраксин был атакован Левальдом. Напряженный бой продолжался несколько часов, преимущественно в центре русских боевых порядков. Полки, понесшие уже большие потери, вели борьбу с необычайной стойкостью. Исход сражения решила штыковая атака отряда тридцатидвухлетнего генерал-майора П. А. Румянцева. Когда правое крыло 2-й дивизии русских дрогнуло и подалось назад, Румянцев с четырьмя полками резерва пробрался через лес и неожиданно ударил противнику во фланг. Туман, пожары деревень, сильный ветер, разносивший пыль, способствовали усилению паники, дошедшей до того, что вторая линия пруссаков открыла огонь по первой. Русская кавалерия закрепила победу. Путь на Кенигсберг был открыт. Занятый на Западе, Фридрих ничем не мог помочь Восточной Пруссии.

Настроение русской армии несмотря на значительный урон было приподнятое. Однако Апраксин, простояв в бездействии несколько дней у Алленбурга, внезапно приказал бить ретираду, ссылаясь на недостаток продовольствия и заболевания в войсках. Говорят, что он получил от канцлера Бестужева-Рюмина письмо с извещением об опасной болезни императрицы. Отход в ужасную осеннюю распутицу принес больше вреда, нежели военное поражение. Большую

часть продовольственных запасов и снаряжения пришлось уничтожить, так как по пятам шли пруссаки. Отступление было столь быстрым, что походило на бегство. Только в первых числах октября войска остановились в Мемеле на зимние квартиры.

Обер-провиантмейстер Суворов только и слышал в Мемеле возмущенные речи.

«Что это, братцы? Что это такое с нами творится и совершается? Где девался ум наших генералов?» – открыто роптали солдаты, оголодавшие, намерзшиеся, обносившиеся за время отступления. Офицеры высказывались не в пример резко: «Господа полководцы наши помышляли, видно, о том, как бы обратить в ничто все понесенные убытки и пролитую толь многими сынами отечества кровь; расплесть полученный венец славы и победы, покрыть себя позором и бесчестьем и нанести всей армии позорное пятно!»

Адъютант, находившийся при дежур-майоре Апраксина князе Иване Романовиче Горчакове, будущем шурине Суворова, рассказывал:

– От Тильзита до Мемеля шла наша армия с великою поспешностью, причем такими местами, которые и в сухую погоду не гораздо сухи, а теперь от беспрестанного дождя, слякоти и снега превратились в самую топкую и вязкую грязь, из которой ноги почти вытащить не можно. Наши главные командиры, боясь неприятеля, впали в великое малодушие и трусость и наделали множество смеха достойных дел. Ночью вызвал меня фельдмаршал проверить обозы на дорогах. Я нашел его в преогромной, богато внутри украшенной и жаровнями и спиртами нагретой кибитке, лежащего на пуховиках, в присутствии лейб-медика. Но чем бы, вы думали, победитель наш при тогдашних печальных обстоятельствах упражнялся? Истинно стыдно сказать. Изволил слушать сказки сидящего у него в головах за столиком гренадера и болтавшего вздор нелепый во все горло!.. С трудом добрался я до переправы, где стеснилось несколько сот повозок, слышен был только вопль, шум и треск. Мне не было никакого способа далее проехать и не только сосчитать их все, но даже окинуть глазом. Вернувшись, я доложил фельдмаршалу обо всем. Но что же, вы бы думали, он на сие сказал? Только приказал итить на свое место, а гренадеру продолжать сказку!..

Действия Апраксина, сведшие на нет плоды Гросс-Егерсдорфской виктории, вызвали негодование при дворе и в Конференции. Елизавета, повелевшая было внести в его родовой герб в память о победе две крестообразно положенные

пушки, отстранила Апраксина от командования и вызвала для объяснений в Петербург. По дороге он был арестован, привлечен к следствию по подозрению в измене и на допросе скончался. Канцлер Бестужев-Рюмин был снят с должности и сослан в деревню; на его место Елизавета назначила М. И. Воронцова. Командование русскими войсками принял ученик Миниха В. В. Фермор, от которого Конференция потребовала немедленно занять Восточную Пруссию.

Фридрих метался, обложенный армиями союзников, и лишь несогласованность их действий позволяла ему всякий раз уходить от окончательного поражения. Был момент, когда немецкие имперские чины даже отрешили его от престола. Отступление Апраксина дало ему очередную передышку, которой он не замедлил воспользоваться. 5 ноября 1757 года при деревне Россбах Фридрих разбил сильную франко-австрийскую армию с помощью кавалерии генерала Зейдлица и бросился в Силезию, где пруссаки терпели поражение, 5 декабря у местечка Лейтен искусными маневрами он выиграл сражение у австрийцев, захватив более двадцати тысяч пленных, всю артиллерию и обоз. Силезия снова была у него в руках.

Тем временем медленно, но, как грозная, неодолимая громада, на германские границы надвинулась с Востока русская армия. В январе 1758 года, почти не встречая сопротивления, она овладела Тильзитом, затем Кенигсбергом и Восточной Пруссией. По манифесту Елизаветы Петровны область присоединилась к Российской империи. К марту все важнейшие пункты на Нижней Висле были заняты русскими войсками, но из-за противоречивых указаний Конференции Фермор потерял затем много времени на бесцельное маневрирование между Вислой и Вартой и только 4 августа подошел к сильной крепости Кюстрин.

В эту пору Суворов, назначенный комендантом Мемеля, занимался формированием батальонов в Лифляндии и Курляндии. В Мемеле он услышал о кровопролитнейшей битве, происшедшей 14 августа 1758 года у деревни Цорндорф. Из дошедших раньше всего берлинских газет он с досадой узнал, что армия наша, имевшая дело с самим королем, будто бы им разгромлена наголову, так что одних убитых насчитывалось у россиян до двадцати тысяч человек, в то время как пруссаков якобы погибло всего пятьсот шестьдесят три.

– Умилосердитесь, государи мои, – говорил Суворов тем, которые тому верили. – Неужели наши рук не имели и сами только шеи протягивали и давали себя рубить без всякой обороны? Сами же они говорят, что баталия целый день

продолжалась и была наихудшей. Каким же образом их урон столь несоизмерим? Нет, дело, конечно, было, да происходило иначе.

Через несколько дней проскакал через Мемель курьер – полковник Розен, подтвердивший, что битва действительно была кровавой и длительной, но что выиграли ее русские.

– Когда Фермор обложил Кюстрин и после жестокой бомбардировки зажег его, Фридрих бросился на помощь с тридцатидвухтысячной армией. Узнав об этом, Фермор снял блокаду и занял позицию на обширном, всхолмленном и прорезанном двумя оврагами поле, имея в тылу деревню Цорндорф. Однако в ночь на 14 августа Фридрих произвел глубокий обход правого крыла русских войск и вышел им в тыл. Утром Фермор был вынужден перевернуть фронт армии так, что вторая линия стала первой, а правый фланг – левым. Вражеские батареи открыли сильный огонь с высот севернее Цорндорфа; пруссаки выстроили кривой боевой порядок и около одиннадцати часов начали атаку правого крыла русских.

Фридрих усовершенствовал линейную тактику, атакуя один фланг противника и охватывая его своим сильным флангом; остальную часть своих войск он держал в это время позади – уступом. Такая кривая атака позволяла создать в нужном месте превосходство в силах и грозила охватом неприятельскому флангу.

Под губительным огнем прусской артиллерии и натиском пехоты правый фланг русских стоял неподвижно. Фридрих бросил в атаку всю свою конницу. Наша пехота пропускала ее в интервалы, а затем смыкала свои ряды; прусская конница вместе с королем едва пробилась назад. После двух часов дня Фридрих перенес направление главного удара на левый фланг, но и там встретил героическое сопротивление. К семи вечера расстроенная и обескровленная прусская армия прекратила наступление. Оба войска провели ночь под ружьем. На другой день Фридрих не решился возобновить битву.

«Все советовали, – рассказывал в штабе Бутурлина Розен, – наутро отважиться Фермору на баталию. Мы могли б, верно, совершенно разбить короля, ибо у него не было уже пороха ни одного почти заряда. Но вместо того, чтобы испытать свои силы, Фермор повелел отступить на другой день к своему вагенбургу.

Великим упущением служило и то, что армия наша в деле сем не вся находилась, но сильный корпус под командою графа Румянцева случился за

несколько миль в отдалении и не успел к сражению. Один из главных наших генералов, князь Александр Михайлович Голицын, ушед с баталии, поскакал без души к сему корпусу и уверил оный, что вся наша армия побита и нет ей никакого спасения. О том же вторили и другие беглецы – принц Карл Саксонский, австрийский барон Сент-Андре, генерал-квартирмейстер-лейтенант Герман и секретарь самого Фермора Шишкин...

Главная же польза от сего сражения была та, что войска наши прославились неописуемой храбростью и непреоборимостью. Сам король ужаснулся, увидев, как дралась наша пехота, и пруссаки в реляциях своих писали, что русских легче убить, нежели побудить к бегству, и что само простреливание человека недостаточно к совершенному его низложению...»

Странное положение создалось в российских верхах той поры. В то время как Елизавета Петровна и Конференция всемерно желали победы своему воинству над Фридрихом, в том же Зимнем дворце расхаживал окруженный бывшими прусскими капрадами и сержантами долговязый, насмешливый великий князь Петр Федорович. Без пяти минут император России разговаривал почти исключительно по-немецки, читал только прусские газеты, носил перстень с портретом Фридриха и открыто желал ему побить русских. Слыша о победах союзников, он только смеялся: «Это все неправда, мои известия говорят иное...» Когда полковник Розен явился в Петербург, его слуга начал рассказывать во дворце, что битва русскими проиграна, за что и был посажен на гауптвахту.

Узнав об этом, великий князь велел привести его к себе.

– Ты поступил как честный малый, – встретил Петр Федорович слугу Розена, – расскажи мне все, хотя я хорошо знаю и без того, что русские никогда не могут победить пруссаков.

Затем он указал на голштинских офицеров, кутивших свои глиняные трубки и галдевших по-немецки:

– Смотри! Это все пруссаки; разве такие люди могут быть побиты русскими?..

Не удивительно, что такое положение тревожило осторожного Фермора, который просил уволить его от главного начальствования. Армия наша стояла на винтер-квартирах, куда прибыл, препроводя семнадцать подготовленных

батальонов, Суворов. За успешное выполнение этого задания, очевидно, по представлению благоволившего к нему Бутурлина он был произведен в октябре 1758 года в подполковники. С наступлением тепла русские войска начали стягиваться к городу Познани.

8 мая Конференция назначила главнокомандующим шестидесятилетнего генерал-аншефа Петра Семеновича Салтыкова.

2

Познань и по-июньски зеленые ее окрестности полны были военным народом. В полях забелели установленные повсюду палатки, Суворов ехал лагерем, испытывая радостное волнение от окружающего кипения и суеты – бегания пеших и скакания конных, ржания лошадей, звуков труб, биения барабанов.

Отдалившись от лагеря, он заметил в глубоком овраге копошащихся солдат – треуголки мешались с кожаными гренадерскими каскетками, сделанными наподобие древних шишаков и имевшими на себе род плюмажей.

Заинтересовавшись, он спешился и, раздвигая кусты, подошел к самому краю оврага. Солдаты разделявали раздобытую где-то говяжью тушу, ловко орудуя тесаками. И то сказать: из-за перебоев в снабжении недостаток в провизии ощущался – и остро.

Неподалеку от Суворова зашуршал кустарник, и вдруг раздался слегка дребезжащий старческий альт:

– Убирайтесь скорее, ребята! Не то Фермору скажу! Солдаты брызнули из оврага навстречу вышедшему седенькому, маленькому и простенькому старичку в белом ландмилицейском кафтане без украшений, спокойно помахивавшему хлыстиком. Со стороны лагеря меж тем уже, поднимая пыль, скакали всадники. Первый офицер спрыгнул с лошади и вытянулся перед странным старичком:

– Ваше сиятельство! С ног сбились, искамши вас... Пешком, без конвоя... Нешто можно эдак-то!

По окаменевшей группе солдат прошло шелестом: «Салтыков...»

Генерал-аншеф отмахнулся хлыстиком от адъютанта и обернулся к солдатам:

– Что, ребята, напужал вас?... Ничего, не серчайте на старика. – Он сощурил маленькие свои глазки. – Как у нас на Руси говорят?... Виноват медведь, что корову съел... – Салтыков выждал, оглядывая усатые и безусые лица, и закончил решительно – А не права и корова, что в поле ходила!

Солдаты несмело хохотнули. Не сдержал улыбки и затаившийся Суворов.

– Надеюсь на вас крепко, солдатики, как встретимся с пруссом, – посерьезнев, сказал командующий.

Стоявший ближе всех к нему краснощекий могучий гренадер с лихо подкрученными усами выдохнул:

– Отец ты наш родной, Петр Семенович! Рады стараться!

– А сейчас, – продолжал Салтыков, – слушайте к своему провианту!

Он, кряхтя, сел на подведенную к нему лошадь и затрусил к лагерю, но солдаты остались стоять на месте.

– А и прост, а и мал и ласков... – наконец выговорил старик мушкетер. – Сушья курочка!..

К вечеру весь лагерь гудел, обсуждая эту встречу. Суворов зная о Салтыкове, что он начал службу при Петре I в 1714 году в гвардии, затем послан был царем изучать мореходство во Франции, участвовал в походе 1734 года в Польше и в русско-шведской кампании 1741–1743 годов. До прибытия в армию он командовал на юге Украины ландмилицейскими полками. Никаких выгодных и громких слухов о нем доселе не было.

По приезде в Познань Салтыков решил долее не медлить ни дня и учинил на завтра всей армии генеральный смотр. Войска побригадно должны были идти церемонией мимо круглой калмыцкой кибитки генерал-аншефа. Впереди маршировали бригадные фурьеры при предводительстве квартирмейстеров, с распущенными своими «значками» в виде разноцветных маленьких знамен.

Далее ведены были лошади командующего бригадою генерала – все в прекрасных пополах, с золотыми вензловыми именами и гербами. За ними следовал уже сам генерал со всей своей свитой. Полки его бригады шли с развернутыми знаменами, с барабанным боем и играющей военной музыкой. Все офицеры и знаменосцы должны были салютовать, проходя мимо Салтыкова, стоявшего перед своей кибиткой в окружении штаба.

Суворов, временно приставленный к бригаде генерал-майора М. Н. Волконского, ехал на лошади перед гренадерским батальоном. У всех солдат в шляпы, а у гренадер в их каскеты воткнуты были зеленые ветви, как бы в предвозвестии будущих, новых побед. Поравнявшись с генерал-аншефом и отдав ему положенный комплимент, Суворов услышал слова Салтыкова:

– Вот они наши, русские солдатики!.. Изрядные, бодрые – любо-дорого поглядеть. Вся надежа на них! Слава им!..

По плану союзников в июле 1759 года с армией Салтыкова должны были соединиться австрийские войска фельдмаршала Дауна. Так как их выступление затягивалось, Салтыков, оказавшийся по натуре очень самостоятельным, сам перешел бранденбургскую границу и направился к городу Кроссену, навстречу Дауну. Ему пытался преградить путь генерал-поручик Ведель, но слабый его корпус был раздавлен 12 июля в кровопролитном сражении у местечка Пальциг. Потеряв до шести тысяч убитыми, ранеными и пленными, пруссаки в беспорядке отступили за Одер. 14 июля любимец Фридриха Ведель, получив подкрепления, вновь решил воспрепятствовать продвижению русских и с небольшим отрядом занял Кроссен. В ответ Салтыков приказал князю Волконскому взять Тобольский драгунский полк с его артиллерией и самолично отправился с ним к Кроссену. В этом поиске принял участие и подполковник Суворов.

Когда полк подошел к городу, прусские гусары в числе шести эскадронов уже выстроились на лугу за Одером, в то время как остальные перестреливались перед форштадтом с казаками. Салтыков повелел кинуть в пруссаков четыре бомбы из большого единорога. Секретное Шуваловское орудие было тотчас установлено. Суворов, находясь в свите Салтыкова, видел на боку пушки выдавленного однорогого зверя – герб графа П. И. Шувалова – и опечатанную медную сковороду, прикрывающую дуло единорога. Особый артиллерийский офицер с командою, которым под страхом смерти воспрещалось рассказывать о шуваловских орудиях, распорядился ведением огня. Первая же бомба угодила в пруссаков, торопливо ретиrowавшихся теперь вверх по Одери. Командующий,

наблюдавший за боем с бугра, неподалеку от единорога, тотчас отправил полковника Минстера с двумя пушками атаковать город. Суворов, пришпоривая коня, мчался с первым эскадроном драгун.

Навстречу приближались блестящие каски с одноглавыми прусскими орлами, медная пушка и красные гусарские мундиры у форштадта. Но, очевидно, самый вид надвигавшейся русской кавалерии устрошил пруссаков, кинувшихся из форштадта к городу через мост. Драгуны преследовали их. Перед мостом вышла заминка, так как пруссаки, прикрываясь огнем двух пушек, наполовину разобрали его. Тогда заговорила русская артиллерия. Над Кроссенским замком был поднят белый флаг, и трубач в сопровождении городских депутатов появился в воротах. Кроссен сдался Салтыкову.

Оставшись в действующей армии, Суворов был назначен на должность генерального и дивизионного дежурного при графе Вилеме Вилимовиче Ферморе, начальствовавшем над 1-й дивизией. В качестве дежурного штаб-офицера он участвовал в одной из ключевых битв Семилетней войны – «Франкфуртской баталии», или сражении при Кунерсдорфе.

Соединившись с восемнадцатитысячным корпусом храброго шотландца, находящегося на австрийской службе, – Лаудона, Салтыков предполагал, достигнув Франкфурта, без проволочек идти на Берлин. Однако 30 июля конная разведка Г.-Г. Тотлебена донесла, что Фридрих сосредоточил значительные силы у Фюрстенвальде, на полдороге между Берлином и Франкфуртом-на-Одере, и движется на сближение с русскими. На деле неприятельские гусары уже переходили вброд Одер гораздо ниже нашей армии. Задержка с донесением объяснялась просто: генерал-майор Тотлебен давно уже был прусским шпионом, выдававшим Фридриху секретные планы и сообщавшим русскому командованию заведомо ложные сведения о численности противника и его местонахождении.

Вечером 30 июля командующие дивизиями со своими штабами собрались в калмыцкой кибитке Салтыкова.

– Положение наше, выгодное и довольно натурою и искусством укрепленное, опасно в случае несчастья, ибо путь к ретираде отрезан... – Маленький Салтыков поднялся со скамьи и развернул карту. – Воззрите сами: армия российская обращена туда лицом, откуда ожидался неприятель, весь фронт перед нею защищен топким и непроходимым почти болотом... Ан прусс учинил знатную стратегию – обман, совершил дальний круг Франкфурта обход и грозит на

слабейший наш левый фланг напасть и в тыл выйтись!.. Что делать?

Все молчали, изведав уже Салтыкова, характер которого, по общему мнению, не принадлежал к числу изящных. Сколь ласков он был с солдатами, столь же крут и неуступчив с генералитетом...

– Мы неделю под Франкфуртом лагерем стоим, укреплений построили довольно, и нас так просто не возьмешь!.. Оставаться на прежних позициях и спокойно дожидаться прибытия его величества короля прусского, – твердо закончил он.

Весь следующий день был употреблен на усиление оборонительной мощи армии – на отрытие окопов с брустверами бастионного начертания для защиты артиллерийских батарей и устройства куртин между ними для пехоты. Утром 31 июля, отвозя генерал-аншефу рапорт Фермора, Суворов имел возможность воочию обозреть русские боевые порядки. Войска расположились на трех холмах, протянувшихся на четыре километра с северо-востока на юго-запад, под углом к Одру, в который упирался наш правый фланг. Левый фланг держали пять молодых, или новых, полков князя Голицына на небольшом холме Мюльберг, примыкавшем к густому лесу и прикрытом глубоким буераком. Он укреплен был окопом – ретраншементом – и несколькими батареями, содержащими в себе до восьмидесяти пушек.

В центре, на соседнем, более обширном холме Гросс-Шпицберг, расположилась 2-я дивизия Румянцева, тут же находилась и ставка Салтыкова.

1-я дивизия Фермора занимала правый фланг на высоком холме Юденберг, укрепленном шанцами и сделанными наподобие звезды ретраншементами. Что до австрийцев, то по тесноте в линию уместить их было невозможно, и поставлены они были позади правого крыла. Легкое войско разместилось перед Юденбергом.

На обратном пути с холма Гросс-Шпицберг Суворов встретил плутонг легкой кавалерии, переправившийся через болотистую речушку Гюнер и теперь возвращавшийся в расположение 2-й дивизии.

– Откуда, братцы? – окликнул он их.

– Из деревни Фраундорф, – ответил офицер.

– Что слышно?

– Нажимают пруссы, барин, – раздался низкий голос из задних рядов. –
Навалились... Сегодня их и жди...

И верно, к двум часам пополудни послышались частые выстрелы от едва видной с Юденберга деревушки Кунерсдорф и от совсем уже далеких Суворову Третинских высот за рекой Гюнер. Русские батареи с Гросс-Шпицберга подожгли зажигательными снарядами деревню, уже занятую прусской кавалерией. Однако против ожидания пальба с севера стала затихать. Сколько ни глядел Суворов с высокого Юденберга, все было пусто и тихо – справа синие зубцы франкфуртского леса, прямо – болотистая низина. Юденберг застыл в тревожном молчании, и лишь в тылу слышалось позвякивание уздечек и негромкое, тревожное всхрапывание лошадей: там угадывалась русская и австрийская конница.

Ночью никто не спал, и около трех часов разнеслось: «Пруссаки!» В предрассветных летних сумерках были видны колонны, выходявшие из леса, быстро и четко перестраивавшиеся с очевидным намерением атаковать русских по всему фронту. Образовав три линии – в первой восемь русских полков, во второй два русских и восемь австрийских и в третьей конница, – группа Фермора ожидала своего часа. Но, маневрируя перед Юденбергом, пруссаки постепенно отходили к северо-востоку, за Кунерсдорф.

В девять утра с левого фланга раздалось несколько пушечных выстрелов. Становилось окончательно ясно, что именно на этот наиболее слабый фланг обрушит Фридрих главный удар. В половине двенадцатого загрохотали прусские батареи. Около двухсот орудий било с Третинских высот с холма Клейн-Шпицберг за сожженным Кунерсдорфом. Мюльберг сразу окутался темным пороховым дымом.

– Смотрите! Смотрите! Идут! – крикнул кто-то из свиты Фермора, указывая в сторону Кунерсдорфа.

В дыму и пыли на Мюльберг наступала армия Фридриха: синие мундиры с красными, синими, зелеными, белыми отворотами, высокие медные шапки и треуголки. Пехота образовала три идеально ровные шеренги, выставившие стальную щетину штыков.

– Как экзерцициям обучены! – не сдержал восхищения офицер, стоявший рядом с Суворовым. – Равнение-то, равнение какво! Точно механизм единый!

– Нет-с! – живо отреагировал тот. – Долго они линию не удержат. Здесь Фридриху не гладкая тавлейная доска, как на плац-параде!..

Но все уже и так видели, что стройные шеренги исчезли, преобразившись в гигантские зигзаги.

Соседний холм содрогнулся: раздался страшный рев шуваловских единорогов. Даже с Юденберга было видно, какой тяжелый урон наносила русская артиллерия пруссакам. Однако, потеряв равнение, они продолжали продвигаться на Мюльберг. Не останавливаясь, пехота дала залп и, зарядивши на походе свои ружья, достигла подошвы Мюльберга. Подойдя ближе, пруссаки снова дали залп по русской пехоте. С этого мгновения огонь сделался с обеих сторон непрерывным, и с Юденберга нельзя было отличить неприятельской стрельбы от нашей. Лишь выстрелы секретных шуваловских гаубиц выделялись среди прочей канонады своим особливим звуком и густым черным дымом.

Штабы и офицеры Фермора, собравшись кучками на макушке Юденберга, смотрели на побоище и только рассуждали, ибо самим им делать было нечего. Хотя все происходившее было видно как на ладони, дивизия находилась так далеко от Мюльберга, что до неприятеля не могли достать не только ружья, но и самые полковые пушки.

Наших пять слабейших полков сдерживали натиск всей армии Фридриха. Первая шеренга русской пехоты встала на колени, выставив ружья, – прусский же фронт казался в беспрестанном движении, то приближаясь к русским вплотную, то опять отступая назад. Вскоре от стрельбы дым так сгустился, что, противников не стало видно вовсе. Очевидно, шла уже рукопашная.

Батареи с Гросс-Шпицберга перенесли огонь на овраг Кунгруд. Из тыла передали: Мюльберг пал; пруссаки заполнили овраг и рвались наверх, по склону Гросс-Шпицберга. Пушки, уже вражеские, открыли с Мюльберга губительный продольный огонь.

В свите Фермора почитали баталию уже совершенно проигранною. «Салтыков мнил, что будет счастливее искусного Фермора, – шушукались штаб-офицеры, – но как такому простенькому и ничего не значащему старичку можно быть главным командиром толь великой армии!.. Как можно ему предводительствовать против такого короля, который удивляет всю Европу своим мужеством, храбростию, проворством и знанием военного искусства!..»

К пяти часам пополудни стало известно, что пруссаки овладели уже всеми нашими батареями на левом фланге и имели в своей власти несколько тысяч взятых в плен. Разнесся слух, будто бы Салтыков впал в такое расстройство и отчаяние, что, позабыв все, сошел с лошади, стал на колени и, воздев руки к небу, при всех просил со слезами Всемогущего помочь ему в таком бедствии и крайности и спасти людей своих от гибели явной...

Посыльный привез приказ: передвинуть часть резерва австрийского генерал-поручика Кампители и русскую конницу в центр. Происходила медленная перегруппировка сил.

– Извольте отвезти ответ командующему об исполнении... – Фермор отправил дежурного по штабу в ставку.

Суворов пробирался болотистой низиной, мимо новотроицких, киевских, казанских драгун и чугуевских казаков, остававшихся в резерве. Доехав с тыла до Гросс-Шпицберга, он принужден был спешиться, так густо стояла тут русская пехота, так тесно расположились батареи. Ядра и пули, долетая сюда, почти не знали промаха.

Крутой склон Гросс-Шпицберга, обращенный к Мюльбергу, был замкнут в несколько рядов фузелирами, которые вели непрерывный огонь с колена, погибали, заменялись новыми, но не отходили назад. Иные ложились целыми шеренгами, давая пруссакам переходить через себя как через побитых, а потом вскакивали и стреляли в них с тылу. Те же из пехотинцев Фридриха, кому удавалось достигнуть обрывистого верха, находили там либо смерть, либо свергаемы были вниз, в Кунгрунд...

Салтыков сидел на барабане на лысой вершине холма, хладнокровно помахивал хлыстиком, слыша свист пролетающих пуль, и шутил с генералом Яковом Александровичем Брюсом.

– Ваше сиятельство!.. – Рослый, курносый и круглолицый генерал-поручик в грязном мундире и без парика докладывал Салтыкову – Атаки неприятельские слабеют! Знатный буерак забит мертвыми чуть не вполовину!..

Суворов не сразу признал в нем командира 2-й дивизии Румянцева.

Салтыков неспешно поднялся с барабана.

– Ходила лиса курят красть, да попала в пасть... Готовь, батюшка Петр Александрович, резерв к атаке...

Раздавленные численным превосходством полки Голицына выполнили свою роль: измотали наступавших. Салтыков между тем методично укреплял центр, переводя все новые войска с Юденберга. Атака вражеской конницы через Кунгрунд вначале имела успех, но затем Румянцев взял часть русской кавалерии и опрокинул кирасир Фридриха. Большие толпы прусской пехоты скопились в овраге и теперь истреблялись губительным огнем единорогов с Гросс-Шпицберга.

Вернувшись на Юденберг, Суворов жадно следил за ходом сражения. Битва достигла своей высшей точки. Пересеченной, болотистой низиной от Кунерсдорфа на Гросс-Шпицберг шла на рысях знаменитая конница Зейдлица, почитавшаяся – и не без оснований – лучшей в Европе. Теперь пришел черед действовать всем батареям Юденберга. Лавируя между прудами, под перекрестным артиллерийским огнем, прусская кавалерия быстро потеряла стройность своих боевых порядков и, так и не достигнув окопов Гросс-Шпицберга, покатила назад. В этот момент вслед ей тремя лавинами вырвалась русская и тяжелая австрийская конница. Зейдлиц в беспорядке отступал к Кунерсдорфу.

Фридрих еще пытался спасти положение, направив драгун принца Вюртембергского и гусар генерала Путткамера на Гросс-Шпицберг: противник достиг было вершины холма, но русская пехота генерал-поручика Румянцева и австрийцы Лаудона, действуя холодным оружием, смели прорвавшихся, а артиллерия довершила их уничтожение. К вечеру пехота генерала Петра Панина погнала пруссаков на Мюльберг, где сгрудившиеся вражеские толпы расстреливались батареями Гросс-Шпицберга. Прусская пехота и кавалерия повсюду обратились в бегство. Около семи часов вечера преследование

противника было поручено Тотлебену и Лаудону, но продолжалось оно только до темноты. Сорокавосемьдесяттысячная армия Фридриха перестала существовать.

...Фермор, рыжеватый, с тонким овалом красивого лица, оторвался наконец от подзорной трубы:

– Поздравляю, господа офицеры! Виктория, и полная! Суворов быстро ответил ему:

– На месте главнокомандующего я пошел бы теперь на Берлин, и война могла бы закончиться...

Как раз этого больше всего и боялся Фридрих. Самонадеянный, он встретил курьера от Фердинанда Брауншвейгского, известившего его о победе над французами при Миндене, словами: «Оставайтесь здесь, чтобы отвезти герцогу такое же известие...» В ходе боя под ним были убиты две лошади и прострелен мундир. Прусская кавалерия едва спасла его от русско-австрийских гусар. У короля, по его собственному признанию, оставалось после сражения не более трех тысяч боеспособных солдат: девятнадцать тысяч было убито, ранено или пленено, а остальные разбежались. В полной прострации он намеревался покончить с собой и писал в Берлин: «Все потеряно, спасайте двор и архивы». Раньше он ненавидел и презирал русских, теперь он их страшился и ненавидел. С этого дня и до своего смертного часа «старый Фриц» изыскивал любые возможности, чтобы ослабить Русское государство, был его последовательным и заклятым врагом.

...Генералы со своими штаб-офицерами съезжались в ставку командующего. Вся низина перед Гросс-Шпицбергом, его склоны и овраги, Кунгрунд и холм Мюльберг были усеяны трупами. Около шестнадцати тысяч человек потеряли союзники в этой кровопролитнейшей битве, причем главные жертвы – тринадцать с половиной тысяч человек – понесли русские. В палатке Салтыкова уже собрались командир 3-й дивизии – раненый Голицын, выказавший в бою отменную храбрость; один из главных героев дня – граф Румянцев; генералы Вильбоэ, Панин, Берг, Волконский, Долгоруков; австрийские военачальники; командующий 1-й дивизией Фермор, прибывший в сопровождении Суворова.

Генерал-аншеф Салтыков в съехавшем набок парике диктовал реляцию Елизавете:

– Напиши: «Ваше императорское величество! Не удивитесь великой потере нашей... Король Прусский не продает дешево побед...»

Полный разгром Фридриха II при Кунерсдорфе произвел громадное впечатление не только в Петербурге, но и во всех союзных столицах. Салтыков получил чин фельдмаршала, и в честь его была выбита медаль с надписью: «Победителю над пруссаками». От него ожидали развития успеха, однако силы были истощены – не хватало лошадей для артиллерии и обозов, кончались снаряды, ощущалась острая нужда в продовольствии. Тем не менее решительный Салтыков предлагал фельдмаршалу Дауну совместное наступление на столицу Пруссии. Но Даун и венский гофкригсрат вовсе не желали усиления России. Среди русских главных командиров в итоге возобладало крайнее неудовольствие и досада на австрийцев, желавших, чтобы армия Салтыкова играла роль вспомогательной силы. Теперь уже Даун уговаривал Салтыкова действовать совместно, но к выгоде Вены.

– Всякому свои сопли солонны... – буркнул австрийскому фельдмаршалу маленький Салтыков при встрече.

– Was? Что? – удивился Даун.

– Я говорю: мы свое сделали, теперь ваша очередь...

Разногласия эти привели к тому, что Салтыков отвел армию к Нижней Висле, а сам вернулся к любимому своему занятию – псовой охоте на зайцев. Все происшедшее Фридрих назвал «чудом Бранденбургского дома» – в который раз Пруссия была спасена. Война, первоначально казавшаяся в Петербурге непродолжительною, затягивалась. И все же, несмотря на тяжелое экономическое положение страны, энергичная Елизавета Петровна не желала и слышать о мире до полного разгрома Пруссии...

После Кунерсдорфской битвы и с небольшим перерывом до середины 1761 года Суворов оставался в 1-й дивизии Фермора; «при правлении дивизионного дежурства бессменно». В те периоды, когда Фермор замещал главнокомандующего, подполковник Суворов, помимо своей должности, исполнял еще и обязанности генерального дежурного армии. Он пользовался особенным расположением своего начальника и даже в старости хранил благодарную о нем память, говоря с неостывшей признательностью: «У меня

было два отца – Суворов и Фермор...»

Сам Василий Иванович Суворов в апреле 1760 года решением Конференции был направлен в русскую заграничную армию «главным при провиантском департаменте», что соответствовало званию «генерал-губерпровиантмейстера» по Воинскому уставу 1716 года. На это место нужен был человек «неподкупной честности». Так назовет Суворова-старшего Екатерина П. Еще 5 января 1758 года В. И. Суворов получил чин генерал-поручика. Вместе с армией он проделал походы в Польше, Шлезии, Бранденбурге и Померании.

Будучи главным полевым интендантом, он заслужил всеобщее уважение своей неустанной деятельностью по бесперебойному снабжению армии продовольствием. Это отмечалось в донесениях и реляциях. Так, 18 июля 1760 года Конференция обратилась к В. И. Суворову со специальным рескриптом, где отмечались его заслуги и излагались последующие задачи по снабжению армии:

«Реляция ваша, из Познани, от 6-го сего месяца под № 20-м отправленная, причинила нам особое удовольствие. Что в Познани, несмотря на все бывшие затруднения, однако ж столько вами провианта запасено, что армия наша с собою с лишком на месяц возьмет, то поэтому уповаем мы, что ревностным вашим старанием и в Калише не с меньшею скоростью потребные магазины поспеют, а армия наша в своем походе и операциях за тем отнюдь остановлена не будет». Если В. И. Суворов и не обладал выдающимися военными дарованиями, то в качестве главного интенданта проявил себя как организатор деятельный и талантливый. Заслуги его были отмечены: 25 июня 1760 года он стал кавалером ордена Святого Александра Невского, а 16 августа пожалован в сенаторы...

К началу кампании 1760 года русская заграничная армия состояла из передового корпуса Захара Чернышева, 1-й дивизии Фермора, 2-й – фон Броуна, 3-й – Румянцева, регулярной кавалерии генерал-поручика М. Н. Волконского и генерал-майора П. Д. Еропкина, легкой кавалерии (гусары и казаки) – Тотлебена. Получая противоречивые указания Конференции, войска топтались на месте. Единственным ярким событием всей кампании был знаменитый Берлинский рейд.

К тому времени, недовольный планом ведения войны, непрестанно ссорившийся с австрийцами, больной Салтыков ушел в отставку. Руководил операцией Фермор, временно, до прихода нового командующего – А. Б. Бутурлина,

выполнявший его обязанности. Начальником отряда, выделенного для похода на Берлин, Конференция назвала Тотлебена. Прикрывать его должен был легкий подвижной корпус – корволант Чернышева. В инструкции указывалось – взять с прусской столицы «знатную денежную контрибуцию», а также «все арсеналы, пушечный литейный двор, все магазины и оружейные и суконные фабрики в конец разорить». По соглашению с австрийцами одновременно к Берлину направлялся их корпус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylov_oleg/suvorov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)